

Симона
Вилар

Светорада
Янтарная

Светорада

Симона Вилар

Светорада Янтарная

«Автор»

2009

Вилар С.

Светорада Янтарная / С. Вилар — «Автор», 2009 — (Светорада)

«Светорада Янтарная» – заключительная часть трилогии, посвященной истории жизни княжны из Смоленска. Ни одна женщина, живущая в Древней Руси, не могла даже мечтать о таком головокружительном взлете, который выпал на долю златокудрой красавицы по имени Светлая Радость. Ее ум, природное обаяние и красота пленили могущественных братьев-императоров первой державы в мире – Византии. Так кто же она, Светорада Янтарная, – опытная соблазнительница, дворцовая интриганка, шпионка самого князя Олега или потрясающая женщина, которая, несмотря на все перипетии судьбы, сумела сохранить чувство к единственному мужчине, которого она любила по-настоящему?

© Вилар С., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Симона Вилар

Светорада Янтарная

Глава 1

906 год от Рождества Христова, июль месяц. Византийское побережье Черного моря

На юге светлеет рано. Особенно у моря. В час, когда солнце еще не взошло, но мир уже начал просыпаться, по извивающейся над кручей дороге скоро неслась запряженная парой мулов крытая двуколка. Правила ею молодая женщина в развевающихся светлых одеждах; погоняла мулов, даже покрикивала, раззадоривая животных, в то время как в самом возке сидели двое: пожилая почтенная женщина в надвинутой до бровей плоской шапочке поверх покрывала и сильный, крепкий мужчина с ровно подрезанной бородой.

Вот молодая возница натянула вожжи, сдерживая бег животных, и ее «тпrrу» громко и резко прозвучало в предутренней тиши. Едва мулы остановились, она с улыбкой оглянулась на своих спутников. Пожилая матрона только таращила глаза да переводила дыхание, а мужчина скупо улыбался, кривя рот в сдержанном смешке.

– Все в порядке? – спросила, отбрасывая вожжи, женщина.

И, не дожидаясь ответа, легко соскочила с козел на землю, кинулась прочь, на ходу скидывая белое, увитое вокруг лба покрывало, побежала по откосу, потряхивая головой и высвобождая этим движением схваченные узлом волосы – они так и заструились пышным светло-золотым каскадом по ее плечам и спине.

Пожилая матрона только и молвила ворчливо:

– Носится, как девчонка, право. Ни степенности тебе, ни достоинства.

– Позже все будет, матушка Дорофея, – отозвался ее спутник, тоже выходя из двуколки и беря под уздцы пофыркивающих после пробега мулов.

В его греческом слышался заметный иноземный выговор. Отведя двуколку от дороги к зарослям можжевельника, он вернулся к коляске и, помогая своей спутнице сойти на землю, сказал:

– Будет вам и степенность, и достоинство, и приказы, коими вы так восхищаетесь. Сейчас же она просто сама по себе – Светорада, радость светлая!

Последние слова он произнес по-славянски. И хотя его спутница знала это непривычное для слуха византийцев иноземное имя госпожи, она тут же начала настаивать, чтобы он звал молодую женщину именем, данным ей при крещении: Ксантия, что значит рыжая, золотистая, светловолосая.

Мужчина никак не отреагировал. Он привязал мулов у можжевельного куста, а сам отошел в сторону и растянулся на земле, закинув сильные руки за голову – всем видом демонстрируя, что собирается поспать.

Дорофея тоже устроилась в сторонке, предварительно постелив на землю войлочный коврик. Сидела какое-то время со спицами и вязанием, все время ворча, что вон, дескать, госпожа Светорада (сама не заметила, как назвала хозяйку все тем же варварским имечком) бегают, как легкомысленная девица, да и ее охранник, что куль с мукой, свалился под куст, не забываясь об охране госпожи. Но уже через пару минут ее голос стал монотонным, заработавшие было спицы опустились и матрона стала похрапывать в этой сонной ранней тиши под шелест колышимых ветром ветвей можжевельника и кипариса.

Охранник на миг приподнял тяжелые веки, покосился на нее, хмыкнул и, повернувшись на бок, вновь задремал. Он знал, что Светорада долго будет плескаться в море – эта ее прихоть

уже стала для охранника привычной, – и понимал, что мешать ей не следует. И пусть Дорофея ворчит, что он, дескать, плохо следит за госпожой Ксантией, но не Дорофее, самой взятой в услужение, ставить ему свои условия. Эта матрона могла бы и не ездить с ними по утрам к морю, но уж больно добросовестна, знает, что по здешним благонравным правилам наставница обязана сопровождать хозяйку. Ну а ее славянский раб Сила – или Силантий, как его окрестили в Царьграде¹, – обязан везде охранять госпожу, владелицу богатого поместья Оливий и подругу знатного патрикия Ипатия Малеила. Но не стоять же ему над ней, когда она купается? Недаром ведь она выбирает для своих заплывов это тихое время, когда колокола в нагорном монастыре Святого Пантелеймона еще не ударили, простые селяне только поднимают головы с ложа, и никто не ведает, какое диво можно углядеть на морском берегу в этот предрассветный час.

Это действительно было диво – стоявшая на камне красавица с распущенными по плечам золотисто-солнечными волосами. Прямо перед ней ласково переливались воды Понта Эвксинского². Вокруг стояла благостная тишина...

Светорада опустила на камень головное покрывало, отстегнула на плече заколку наде- той наискосок накидки, стала расстегивать широки ремни сандалий. Присев на камень, она опустила одну ногу в воду. Сейчас вода была тихая, как в озере, и теплая, словно подогретая, ласковая. Сквозь ее прозрачные всплески были видны волнующиеся внизу водоросли, а далее, где дно устилали мелкие камешки, море светлело.

Светорада давно облюбовала это место для купания. Две скалы по бокам маленькой бухточки защищали ее от любопытных взоров, и молодая женщина стала снимать остальную одежду: длинное платье с вышитой каймой внизу, тонкую рубаху. Стояла на камне – нагая и прекрасная, как сама праматерь Ева; точеное тело с тонкой талией и округлой грудью нежно белело в сероватом свете нарождавшегося дня, маленькие ступни ног переступали по гладкому камню. Светорада попробовала было вновь связать свои светлые волнистые волосы в узел, но потом передумала, позволив легкому ветерку играть рассыпавшимися локонами. Положив руки на гладкие округлые бедра, она какое-то время медлила, глядя туда, где необъятное море еще не отделилось от небосвода.

Там, в той стороне, за водами и далекими берегами находилась ее родная земля – любимая и незабываемая Русь, варварская Скифия, как называли ее тут, в Византии. Некогда Светорада родилась в граде Смоленске на Днепре, там ее просватали за молодого князя Игоря Киевского, но так вышло, что она не стала его княгиней. Зато успела побывать и супругой воеводы в далеком Ростове, и женой хазарского царевича, и подругой печенежского хана³. А затем смоленская княжна попала в Византию и вот уже пять лет живет тут в богатстве и покое, по сути довольная своей долей.

Но вот только... Только наедине с собой она могла признаться, как скучает по Руси. И в ее устремленных на горизонт ясных светло-карих глазах – янтарных, как говорили о них ромей⁴, – светилась эта потаенная тоска. Русь... Как же давно она не получала вестей оттуда! Как грустила по тем далеким, столь отличным от этих краев землям, по дубравам и могучим рекам, по деревянным крепостям и хороводам на ромашковых полянах. Русь!..

Светорада тряхнула головой, отгоняя нахлынувшее уныние. Глубже вздохнула, потяну- лась всем телом и, сложив руки над головой, легко и сильно прыгнула в воды ласкового моря.

...Легкий всплеск. Однако достаточно различимый, чтобы стоявший за выступом скалы раздетый молодой мужчина перестал вытирать мускулистое тело и оглянулся.

---

¹ Царьград – Константинополь (совр. Стамбул).

² Понт Эвксинский – Черное море.

³ Об этих событиях рассказывается в романах «Светорада Золотая» и «Светорада Медовая».

⁴ Ромей – так назывались жители разнотнического населения Византии.

Сперва он ничего не видел, кроме чуть отливавшего металлом моря, а потом его темные брови удивленно поднялись вверх, к мокрым завиткам волос. Там на блестящей поверхности моря показалась небольшая аккуратная головка и тут же начала удаляться, оставляя на воде след своими распущенными, похожими на водоросли волосами. Затем она опять нырнула и всплыла уже много дальше. Молодой человек даже перекрестился, словно увидел неведомое мифическое существо. Но уже через миг его сложенные для крестного знамения пальцы застыли у плеча, ибо пловчиха вдруг сделала резкий, по-мальчишески размашистый гребок и, разбрызгивая воду, поплыла вперед сильными и уверенными движениями.

Наблюдавший за ней улыбнулся. Довольно и радостно, словно в предвкушении чего-то приятного. Потом медленно вошел в воду и поплыл.

Светорада его не заметила. Она наслаждалась морем и той силой, какую ощущала в себе, двигаясь скоро и мощно, словно в ее легком, нежном теле таились неведомые силы. Они и впрямь таились, проявляясь сейчас в движении, в ощущении единения с водной стихией, когда она позволяла себе отбросить все условности, быть самой собой, резвой и полной жизни молодой женщиной, чья неумная энергия требовала выхода. Светораде хотелось устать той телесной радостью, какая даст ей потом смиренно нести свой крест... как учат христиане. Русскую княжну, выросшую на берегах Днепра, и по сей день продолжала удивлять та легкость, с какой морская вода держала и несла ее умелое тело. Порой она гибко уходила под воду, видя на дне темные пятна покрытых водорослями камней, потом вновь выныривала, втягивала в себя душистый морской воздух и плыла навстречу постепенно светлевшему небу.

Вон уже ярче вспыхнул горизонт, показался слепящий диск солнца, от которого, золотя море, к плывущей женщине протянулась искрящаяся дорожка. Светорада перестала грести, закачалась на волнах, щурясь на встающее светило. Где-то в вышине с протяжным криком пролетела чайка. Светорада проводила ее взглядом, потом откинулась на спину, и ласковая морская вода поддержала ее, подняла, покачивая в золотящихся, переливающихся светом волнах.

В воде ощущались некие невидимые потоки, были слышны бульканье и хлопанье, а вверху ясно голубело небо без единой отметины облаков. Днем небо станет почти белесым от жары, а сейчас оно нежное, прохладное, спокойное. И плещется тихо вода, умиротворяя, давая отдохнуть перед тем, как Светорада поплывет к берегу, чтобы вновь стать госпожой Ксантией из богатого поместья Оливий...

Какой-то звук... Более громкий всплеск и шум встревожили разнежившуюся женщину. Она перевернулась в воде, огляделась... И вдруг... Чье-то крупное тело рядом ушло под воду, мелькнув тенью, и Светорада вскрикнула, когда почти подле нее из воды возник кто-то еще.

Молодая женщина резко отпрянула, едва не задохнулась от страха. Берег так далеко, а она совсем одна... Сердце билось почти оглушающе.

– Я напугал тебя, прекрасная морская наядка?

Она и впрямь испугалась и была готова в любой миг кинуться прочь, плыть изо всех сил. Но его голос, ровный и чуть задыхающийся, немного успокоил. Но успокоил ли? Сердце по-прежнему горячо колотилось, дыхание было прерывистым и нервным.

– Еле смог догнать тебя, дивная дочь моря.

Мужчина, молодой и пригожий. Он покачивался на волне, смотрел на нее и улыбался. Она видела его просвечивающееся сквозь воду тело, обнаженное и ловкое, сильные плечи в блестевших на солнце каплях, белозубую улыбку. Незнакомец чуть щурился, улыбка его была лукавой и приветливой. И оттого что он больше не стремился приблизиться, а только смотрел, Светорада смогла наконец прийти в себя.

Подумала сперва: какой это стыд – оказаться голой перед незнакомцем. Но ее укрывала искажающая все вода, которая была для прекрасно плавающей княжны своей стихией, знакомой и послушной, и именно это ощущение вдруг стало приводить Светораду в некое почти

нереальное состояние. Они были вдвоем далеко от возвышавшегося в стороне берега, их озаряло солнце, и этот незнакомец перестал внушать ей страх.

А еще он был очень привлекателен. Светорада даже чуть склонила голову, разглядывая его лицо, молодое, смуглое, с красиво обрамлявшими его мокрыми завитками темных волос, круто изогнутыми бровями, тонким носом и чувственными улыбающимися губами. Глаза же у него... Глаза были светло-голубые, ясные и безмятежные, как небо над головой. Оттененные угольно-черными загнутыми ресницами, они показались Светораде удивительно красивыми.

Взволнованная и очарованная, она невольно ответила на его улыбку. И поддержала начатую им игру:

– Я не ожидала встретить тебя тут, морской тритон.

В ее голосе слегка сквозил иноземный выговор, не исчезнувший за годы жизни среди ромеев. Но этот акцент, похоже, чем-то позабыл незнакомца. Он вдруг откинулся на воде, взмахнув руками и подняв фонтан брызг, и громко засмеялся.

– Где же еще встретить наяде тритона, как не в волнах моря? – произнес он, все еще смеясь. – Я долго плыл за тобой, но смог настигнуть только тогда, когда солнце остановило тебя. И теперь я могу сказать, что ты прекрасна, как рассвет, свободна, как волна, и удивительна, как весь этот мир.

На Светораду вдруг нахлынуло необыкновенное чувство. Все, что происходило, казалось нереальным, неким чудом, когда возможно все, что угодно. Она позволила незнакомцу подплыть ближе, поймать ее руку в воде, притянуть к себе. Теперь он улыбался почти рядом, его мокрое лицо с гладкой смуглой кожей было одновременно и веселым, и серьезным, и... напряженным. Наверное, она улыбалась ему так же, ибо в голове ее вдруг не осталось ни одной мысли – только желание глядеть в его прозрачные светло-голубые глаза, видеть, как приближаются его чувственные губы, ощутить их теплое и влажное прикосновение...

То, как властно и нежно он обнял ее, окончательно покорило Светораду. Она закрыла глаза и, чуть покачиваясь на воде, позволила этому приплывшему невесте откуда красавцу целовать себя; сама положила руки ему на плечи и почувствовала, как их ноги сплелись под волной, тела прильнули друг к другу, такие нереальные в воде, но ищущие друг друга. Они стали погружаться в этом сплетении-поцелуе, потом быстро вынырнули, вдыхая воздух, и стали смотреть друг на друга, ослепленные сиянием солнечных волн.

Все это было подобно сну, и Светорада даже не подумала о том, как неподобающе... совсем нескромно ведет себя. Но сейчас она была словно не она. Она вдруг перестала быть знатной особой, уважаемой госпожой, византийской матроной, которую ждут дома дела и обязанности. И словно и впрямь превратилась в морскую русалку, игривую, ласковую наяду, которой было весело и хорошо с подаренным ей морем красивым тритоном...

Они плыли к берегу рядом, порой то она, то он замедляли движение, вновь тянулись друг к другу в воде, страстно и упоенно целовались. Становилось все светлее, берег приближался, но все равно их не покидало это негаданное чувство приобретения и желания.

Тритон решительно стал увлекать свою наяду к камню, где он оставил одежду, и Светорада подчинилась, какой-то частью сознания поняв, что будет правильнее, если он не узнает, откуда она явилась и что ее ждут. Но эта мысль тут же исчезла, когда их ноги коснулись дна и он, прижав Светораду к себе и больше не отпуская, вывел ее на берег, под нависавшую скалу. Это было укромное местечко, где она увидела брошенную им на мелкий галечник одежду – лежавшие у кромки воды высокие сапоги, тунику и штаны, а еще темно-алый сагион⁵ и кожаный шлем неподалеку. И, словно выходя из чарующего забытья, вполне трезво отметила, что ее тритон – воин. Сильный воин, худощавый, мускулистый, стройный. Она бесстыдно и оце-

---

⁵ Сагион – плащ у византийских воинов.

нивающе разглядывала его гладкую смуглую кожу, длинные, прекрасной лепки ноги. И одновременно, зная, что сама красива, позволяла ему рассматривать себя.

В свои двадцать пять лет смоленская княжна Светорада оставалась изящной, как юная девушка, ее тело с молочно-белой кожей не имело изъянов, им можно было гордиться и показывать... тем более что ранее она себе этого не позволяла, скрывая изумительную фигуру под строгими византийскими одеждами. Сейчас же она даже горделиво вскинула голову, венчавшую высокую шею подобно некоему произведению искусства.

Воин-тритон был очарован, его невероятно светлые глаза жадно засветились. Он отступил туда, где лежал его темно-красный сагион, расстелил его на берегу, лег на спину и протянул к ней руки:

– Подойди!

Это было сказано призывно и властно. Светорада подчинилась, ибо хотела подчиниться.

Он поймал ее за тонкие запястья и прижал к себе, затем чуть подвинулся, укладывая ее рядом. И опять все было нереально и ошеломляюще – теплый плащ под спиной, сильно влажное тело рядом, требовательные и покоряющие поцелуи. Порой он приподнимался и смотрел на нее – серьезно, внимательно и восхищенно. А как он ее целовал... Ловил ртом ее приоткрытые уста, то верхнюю губу, то нижнюю, едва ощутимо покусывал, скользил языком в рот, касаясь кончика ее языка.

Потом его поцелуи стали более сильными, глубокими, его руки убирали мокрые пряди с ее лица, оглаживали напрягшуюся грудь. Их еще влажные тела быстро согревались благодаря солнцу и легкому бризу, а также жару, исходящему изнутри. У Светорады зашумело в голове, сердце билось почти болезненно, тело начало выгибаться. Она сама раскрылась, развела бедра, чувствуя, что ее тритон уже готов, что он задыхается и нетерпеливо вздрагивает, накрывая ее своим худощавым, жилистым телом. Его кожа была гладкой как шелк, она чувствовала, как под ее жадными руками перекачиваются его мышцы, и сама тянула его к себе. Он вошел в нее столь легко, что она только слабо ахнула, поняв, что они уже едины. И вздрогнула, наслаждаясь этим ощущением страсти, желания и единения.

Волнообразные движения, согласные в своей тяге тела, жаркие уста, сплетение рук и ног... Порой Светорада сквозь ресницы видела, что он не перестает смотреть на нее, серьезно и сосредоточенно. Он уже не улыбался, он брал ее так, словно это было для него невероятно важно, и даже не отвечал на ее слабые покорные улыбки. Потом, когда она начала погружаться в собственную глубинную негу, незнакомец приподнялся на руках, его движения стали более мощными, толчки более сильными, но он опять-таки не переставал глядеть на нее. И только когда по ее телу прокатилась волна дрожи, когда с ее уст сорвались слабые стоны, которых невозможно было сдерживать, он что-то произнес, как молитву, почти благоговейно, и стал целовать ее иступленно, с благодарностью, а потом... Потом она уже почти ничего не понимала. Но знала одно: они вместе и это – чудо!

Откуда-то из спящего света до нее донесся его далекий радостный вскрик, и она едва не заплакала от счастья. Так она и лежала, когда он смог наконец приподнять свою еще тяжелую голову, и смотрела перед собой невидящими, полными слез глазами. Потом он тоже всхлипнул, приник лбом к ее лбу, прошептал:

– Как давно у меня не было так...

«У меня тоже», – хотелось ей ответить. Но ничего не сказала.

Она уже возвращалась в реальный мир. Это восхитительно, но... Она забеспокоилась, представив, чем может обернуться для нее это полное безрассудной чувственности утро.

Светорада медленно поднялась на еще слабых ногах. Он же остался лежать, только повернулся и теперь смотрел на нее снизу, подперев голову рукой. Светорада знала, что в Византии, где царят столь строгие нравы, нагота тела считается чем-то почти кощунственным. Но сейчас ей нравилось, как он разглядывает ее. И в то же время она понимала, что теперь ей надо ско-

рее уйти. Ей не хотелось разговоров с ним, не хотелось, чтобы реальная жизнь разрушила это почти волшебное состояние, подаренное ей в рассветно золотящейся воде моря и на согретом солнцем берегу среди скал.

– Я ухожу.

– Зачем? Давай я возьму тебя с собой.

– Нет.

Он медленно сел и, чуть заслонившись рукой от солнца, продолжал смотреть на нее.

– Мне не говорят «нет». – В его голосе послышались обида и удивление. Но когда Светорада повернулась к нему и насмешливо улыбнулась, он покорно склонил голову. Однако через миг сказал: – Я многое бы мог сделать для тебя.

Светорада подумала, что он принял ее за какую-нибудь простолюдинку, ушедшую с виноградника, чтобы поплавать в море, ибо знатные византийские женщины вряд ли бы решились купаться нагими. Это с их-то строгим христианским воспитанием и суровыми правилами! Но ей не хотелось, чтобы ее прекрасный незнакомец догадался, кто она.

– Пусть мой тритон остается для меня морским божеством. Это как подарок богов.

Она осеклась, сообразив, что высказалась, как язычница, верящая в многобожие. Однако он только улыбнулся, поняв из ее слов что-то свое.

– С тобой я словно попал в мир древних, моя наядя! Во времена, когда женщины еще не прятали свою красоту и не боялись любить. Так любить!..

Светорада смотрела на своего нежданного любовника с грустью, оттого что должна была уйти. Она ведь и так задержалась дольше обычного: солнце успело встать над морем, колокола в Пантелеймоновской обители уже отзвонили, а ее Дорофея скоро встревожится и направит раба-охранника Силу разыскивать хозяйку. Да, Светораде пора возвращаться к человеку, с которым она уже пять лет живет как жена, пора возвращаться к сыну.

Она отвернулась, направилась к морю, но когда уже вошла по колено в воду, молодой любовник нагнал ее.

– Приходи сюда завтра в этот же час! Я буду ждать. И пусть море вновь соединит нас.

Светорада была благодарна ему за эти слова и порывисто обняла. Он держал ее крепко, словно не желал отпускать. Но она все же высвободилась из его рук.

– Я приду. На рассвете.

Она чувствовала, как он смотрит, когда она уплывала. Но понимая, насколько нежелательно, чтобы любовник догадался, откуда она прибыла, Светорада набрала побольше воздуха и глубоко нырнула. Она долго плыла под водой, дабы ее Тритон (таким именем она его наградила) не проследил, где ее убежище. Потом она припала к камню у своей бухточки и замерла, вслушиваясь, как где-то за скалой раздаются звуки удаляющихся шагов.

Только тогда Светорада вышла на берег, взобралась на свой камень и стала торопливо одеваться. Оглянувшись, она увидела, что на воде уже белеют паруса рыбацких суденышек. Что ж, она вернулась в реальный мир и сейчас пойдет к ожидавшим ее слугам. У Светорады была хорошо налаженная, спокойная и благополучная жизнь, и она не желала в ней ничего менять. Даже ради того смятения чувств, в какое ее ввергла странная встреча с незнакомцем Тритоном.

Глава 2

Ни одно большое имение в византийской провинции Пафлагония⁶ не строилось без того, чтобы в нем не было собственной церкви. Была церковь и в богатом имении Оливий. В особо торжественные дни сюда на богослужение приходило много окрестных жителей, а в обычные, как этот, дни здесь собиралась семья патрикия Ипатия Малеила, его домочадцы и слуги.

По окончании утренней литургии, когда иеромонах Пантелеймоновского монастыря Симватий, причастив хозяина и его людей, уже складывал священные сосуды в сумку, патрикий Ипатий вышел из часовни и неспешно двинулся вдоль галереи усадьбы в сторону сада. На повороте он оглянулся на усыпанную цветным гравием аллею, прямо уходившую между рядов кипарисов к воротам. Какое-то время патрикий глядел на дорогу, ожидая, когда же появится двуколка его возлюбленной Светорады, но, не дождавшись, направился к оливковым зарослям.

Там, под густой блестящей кроной деревьев, в прохладной тени виднелись колонны выполненной в античном стиле беседки. По окружности беседки на каменной скамье были разложены желтые замшевые подушки, а в центре стоял столик с выложенной мозаикой столешницей, на которую проследовавший за Ипатием слуга предупредительно поставил миску с творогом и высокий стеклянный кубок с сывороткой. Патрикий Ипатий посмотрел на еду едва ли не с отвращением. С некоторых пор его стали мучить боли в боку, и лекарь посоветовал ему по утрам есть творог. Ипатий же его терпеть не мог. Да вот умница Светорада додумалась добавлять в творожную массу немного сушеных абрикосов и меда, так что есть стало более-менее приятно. Она вообще у него золото – Светорада Золотая, Светорада Медовая, Светорада Янтарная, как прозвали ее тут, в Византии. Ипатий мысленно поблагодарил Бога и Его Пречистую Матерь за то, что они дали ему насладиться жизнью подле столь замечательной женщины.

Ипатий проглотил ложку творога, запил сывороткой и глубоко вздохнул. Несколько лет назад он пережил свой пятидесятилетний рубеж и сразу стал ощущать, как исчезают силы, подводит здоровье. И хотя для своего возраста он еще был достаточно крепким, тем не менее понимал, что не такой муж должен был достаться столь молодой и полной жизни женщине, как русская княжна. Да и был ли он ей мужем? Ипатий справедливо надеялся, что однажды по закону обвенчается со Светорадой и тогда сможет отправить гонцов на ее родину, чтобы сообщить, что сестра смоленского правителя стала благородной патрикией в богохранимой Византии. Ах, его милой славяночке от этого была бы такая радость – получить весточку с берегов Днепра!..

Но не вышло. Ибо много лет назад, когда Ипатий был молод, он обвенчался с аристократкой Хионией из города Фессалоники. В то время этот брак для Ипатия считался очень выгодным. Хиония родила ему сына Варду, а сам он сумел возвыситься благодаря приданому жены. Однако с годами их отношения с Хионией совсем разладились, они все больше отдалялись друг от друга, пока наконец их семейная жизнь не превратилась в обременительную обязанность. Хиония была очень религиозна, плотскую близость едва терпела и, решив, что ее долг выполнен после рождения сына, полностью посвятила себя благотворительности. Пока не заболела проказой...

По византийским законам муж мог расторгнуть брак, если его жена тяжело заболела и не способна выполнять супружеские обязанности. Тем не менее Ипатию не удалось получить развод. Поэтому русская княжна вот уже пять лет жила с ним на правах обычной сожительницы. Во грехе – так говорили об их союзе.

Ипатий грустно вздохнул, отодвинул почти съеденный творог и утер платочком тонкие губы. Что ж, годы идут, а он по-прежнему остается полувдовцом из-за этой разлагающейся

---

⁶ Пафлагония – византийская провинция (в северо-восточной части современной Турции на берег Черного моря).

заживо покойницы Хионии и полусупругом, так как брак с любимой княжной все откладывался. Однако многие из его знакомых уже свыклись с тем, что он живет невенчанным, а после того, как Светорада приняла крещение и стала христианкой Ксантией, отношение к ней его знакомых стало вполне благожелательным.

Ах, чего бы только Ипатий ни сделал для нее! Она ведь так добра к нему. Но не любит... Может, был миг, когда ему казалось, что в ее душе пробуждаются чувства, но потом он понял, что Светорада просто свыклась со своим положением и испытывает к нему лишь уважение и признательность. Он же любит ее. Но все чаще ощущает, как годы берут свое...

Ипатий старался гнать мысли о разнице в возрасте между ними. Для своих лет он и впрямь недурно выглядел. Он всегда держался с величием и достоинством, старался аккуратно и элегантно одеваться. Сейчас он был в легкой одежде – белой, чистой; одна пола собранного в красивые складки светлого плаща, расшитого темными узорами, закинута на левое плечо, правая рука голая. Худощавый (только в последнее время он стал несколько сутулиться), с шапкой кучерявых волос, еще темных, хотя и обильно присыпанных сединой, с густыми черными бровями, которые выделялись на тонком породистом лице, патрикий выглядел вполне достойно. Но под карими глазами стали набрякать мешки, резче обозначились морщины в уголках тонкого рта, заметнее проступили жилы на старческой шее, и все чаще ломят суставы и ощущается слабость. Однако Светорада никогда даже не намекала Ипатию, что ее что-то не устраивает. Она всегда заботлива, предупредительна, мила, всегда покорно предоставляет ему свое крепкое молодое тело... когда у него возникает желание. Правда, в последнее время это происходит не часто, ну да у проживших вместе пять лет супругов чувства не должны проявляться так же бурно, как ранее. Кроме того, в Византии излишние плотские желания считаются греховными. Но Светорада не была рождена христианкой, в ней живет беспокойный языческий дух, силы так и бурлят в ней, придавая его Янтарной госпоже столь пленительное очарование.

Ипатий никогда и ни в чем не ставил Светораде препоны. Хочется ей принимать гостей – на то ее воля. Не пожелала по жаре ехать на молебен в Пантелеймоновскую обитель – он тоже не едет. Не противится патрикий и в том случае, если бойкой Светораде вдруг вздумается устроить в имении Оливий танцы с местными девушками или поехать кататься верхом на целый день. Ну а если ей желательно по утрам ездить купаться в море – Ипатий и тут согласен отпускать ее. Хотя ни одна византийская матрона не решилась бы на подобные игры с волнами, а этой только дай поплавать. Наставница Дорофея всегда ворчит по поводу утренних купаний в одиночестве, боится чего-то. Но подле Светорады постоянно сильный раб-древлянин, на его преданность и смелость можно положиться – он позаботится о госпоже, если что.

Ипатий опять посмотрел в сторону подъездной аллеи, невольно прислушался, но вместо жены (храни Бог, но он все равно считал Светораду-Ксантию супругой) увидел своего старшего брата Зенона, идущего вдоль розария. Важный придворный, препозит⁷ императорского двора, он редко покидал Священный Палатий⁸, но на этот раз все же приехал и теперь не дает Ипатию покоя, требуя его скорейшего возвращения в Константинополь.

Зенон был евнухом. В Византии был широко распространен обычай «посвящения» Богу одного (реже нескольких) из сыновей, выразившийся в оскотлении. Хотя оскотляли нередко и пленных, внебрачных сыновей или лиц, провинившихся перед властями. Но благородные евнухи почитались особо, считались чистыми людьми, не подверженными мирским страстям, и у них было больше возможностей возвыситься как на духовной стезе, так и на светском поприще. Вот и Зенон Малеил подвергся оскотлению, как более здоровый ребенок в семье – слабенькие тяжелее и мучительнее переживали подобную операцию. Потом их отец смог

---

⁷ Препозит – высокий чин придворного сановника, распорядителя дворцового церемониала. Обычно подобная должность доставалась евнухам.

⁸ Палатий – императорский дворец в Константинополе.

устроить старшего сына-евнуха на службу в Священный Палатий, где Зенон дослужился до весьма высокого поста. И не жалел, что некогда подвергся оскотлению.

Зенон подошел к беседке, где сидел Ипатий, и придерживая полу своей светлой далматики⁹, поднялся по округлым ступеням и сел, отдуваясь от жары. Как большинство евнухов, Зенон страдал от тучности, хотя и боролся с этим путем воздержания.

Братья Малеилы в чем-то были схожи – оба с выбеленными возрастом кучерявыми волосами и контрастировавшими с ними темными бровями, оба кареглазые. Но насколько Ипатий с возрастом стал худощав, настолько Зенон сделался тучен, а его подрумяненные щеки обвиняли, как у ожиревшей старухи.

– Тихо-то как, – первым начал разговор Зенон, перебирая в пухлых руках кипарисовые четки, которые свесил между колен. – Только пчелы жужжат.

– Они собирают для моей пасеки нектар с цветов, – чуть улыбнулся уголком рта Ипатий. Зенон машинально кивнул.

– Да, твоя пасека, твои виноградники, твои стада, твои оливковые рощи на склонах...

– Оливки – это идея Светорады. Она практичная женщина и считает, что персики и абрикосы быстро сходят, а правильно собранные и обработанные оливки хранятся весь год. К тому же цена на них никогда не падает.

– Она у тебя хорошая хозяйка, – согласился Зенон.

– Но все еще не жена мне.

В последних словах Ипатия слышался упрек, и Зенон чуть нахмурился. Он не лукавил, когда говорил, что делает все, чтобы помочь младшему брату развестись с Хионией, однако положение Ипатия, назначенного хлопотами Зенона при дворе на высокий пост миртаита¹⁰, требовало от него безупречности во всем. То, что он был женат на прокаженной, не считалось грехом, а вот развод воспринимался как дело позорное. К тому же Хиония, известная всем, как пострадавшая за свою благотворительность, считалась два ли не святой, а Ипатий прослыл предателем, отрекавшийся от благочестивой жены ради молоденькой блудницы.

Но особенно помешало Ипатию развестись то, что сейчас брачные вопросы в Византии считались особенно скандальными. Дело в том, что правитель огромной византийской империи Лев Мудрый, намеревался вступить в свой четвертый брак. Так вышло, что все три его императрицы умерали молодыми, не успев подарить императору наследника. Ныне во дворце на правах жены Льва жила его четвертая избранница – Зоя Карбонопсина, которая еще полгода назад родила базилевсу долгожданного сына. И Лев желал узаконить этого ребенка, вступив в брак с его матерью.

Однако тут наперекор воле правителя пошел патриарх Николай по прозвищу Мистик. Четвертый брак! На его взгляд это было распутством. Патриарх считал этого ребенка незаконнорожденным и даже долгое время отказывался его крестить. Наконец младенца все же окрестили, дав ему имя Константин. Но отношение к порфирородному царевичу¹¹, как и к его матери, оставалось двояким, и венчать Зою со Львом отказывались. По всей империи брачные вопросы обсуждались по пунктам, и в это время говорить о разводе стало и вовсе безнадежным делом.

Вот и сейчас Зенон сказал брату, мол, на что тот надеется, если сам божественный автократ¹² не в состоянии разрешить свои семейные дела?

– Однако император сочувствует тебе, – похлопал Ипатия по плечу брат-евнух. – Он даже расспрашивал меня о вас с княжней. Однако ты сам ведешь себя недопустимо, на столь долгий

---

⁹ Далматика – длинная византийская туника.

¹⁰ Миртаит – высокий дворцовый чин.

¹¹ Порфирородный царевич – наследник императора, рожденный в специальном дворце, Порфире, что указывало на его преимущество в праве престолонаследия.

¹² Автократор – одно из названий византийских властителей, означавшее «самодержец».

срок покидая службу в Палатии. Или ты думаешь Льву не донесли, что ты в феме стал едва ли не предводителем местных магнатов?

– Но сельская жизнь в поместье дает мне неплохой доход, – заметил Ипатий.

– А еще ты приумножаешь свое богатство торговлей, – презрительно скривил маленький рот Зенон.

Ипатий промолчал. Да, он с молодости занимался торговлей, причем так хитро, что не уплачивал в казну налоги. Особенно он преуспел, когда правил в Херсоне в Таврике¹³. Но потом получил пост миртаита с немалой платой за служение – служение спокойное и подобострастное, бездейственное. Ипатия оно утомляло, он скучал на придворной службе. И больше размышлял о том, что куда важнее, что его закупщики и поныне приобретают у кочевников в Таврике огромное количество бычьих кож, которые Ипатий через подставных лиц сбывает на рынках Константинополя. Но пора бы уже прекратись заниматься подобным. Если он хочет стать законопослушным подданным империи и жениться на любимой женщине, вопреки всем сложностям по этому вопросу.

– Ты же знаешь, Зенон, что у нас со Светорадой хворый сын, – произнес Ипатий. – Лекари советуют ему подольше жить в деревне. Вот это и удерживает меня в поместье.

И он указал в глубь сада, откуда в их сторону среди роз и миндальных деревьев двигались две фигуры: миловидного мальчика и священника в черной рясе и кукуле¹⁴.

Ипатий с теплой улыбкой смотрел на Глеба, сына Светорады. Мальчику уже исполнилось восемь лет, он был высоким и красивым: темноволосый, с ясными голубыми глазками, иконописными бровями, прямым носом и ярким небольшим ртом. Тут, в провинции Пафлагония у моря, Глеб всегда становился оживленным и шаловливым, а вот в Константинополе, особенно на исходе зимы, его начинал мучить сухой непрекращающийся кашель, в груди хрипело. Поэтому Ипатий и приобрел на имя Светорады-Ксантии это богатое поместье. И не пожалел: морской воздух и сухой теплый климат явно шли на пользу Глебу.

Ипатий был искренне привязан к мальчику, поэтому никому не говорил, что это не его сын. Для всех Глеб оставался их общим со Светорадой ребенком, родившимся когда Ипатий занимал пост наместника в Херсонесе. Однако сам Ипатий, вглядываясь в черты Глеба, все больше убеждался в том, кто был настоящим отцом мальчика: Игорь Киевский. Слишком ясно это проступало в облике Глеба, его глазах и бровях, в остром подбородке с ямочкой, в манере хмуриться или, наоборот, смеяться, откидывая назад голову. А ведь княжна Светорада Смоленская была обрученной невестой наследника киевского престола. У язычников же нет столь целомудренных правил, как в Византии. Они легко сходятся и заводят детей. Вот и Игорь со Светорадой... Однако Ипатий был достаточно благороден, чтобы никогда не заводить об этом разговоры с женщиной, которую хотел видеть своей женой.

Сейчас Глеб, опередив своего духовного наставника, легко взбежал на ступени беседки и, не смущаясь Зенона, прильнул к Ипатию.

– Отец, – иначе мальчик не называл сожителя своей матери, – авва¹⁵ Симватий сказал, что у них в монастыре есть книга о великом базилевсе Юстиниане, который построил храм Святой Софии. Я хотел бы почитать ее, но авва Симватий говорит, что книгу не позволено выносить из обители. Отпустил бы ты меня пожить у монахов, отец? Там и службы такие красивые.

Вот так всегда. Насколько Светорада в душе оставалась своевольной язычницей, настолько ее сын был привержен вере в Иисуса Христа. Ему бы только пожить в монастыре, ему бы молиться с монахами, изучать труды в книгохранилищах обителей, не суетиться, жить в ладу с собой...

---

¹³ Таврика – старое название полуострова Крым

¹⁴ Кукуль (наглавник) – род капюшона, который носили монахи в Византии.

¹⁵ Авва – уважительное название монахов, особенно духовных отцов.

По мнению Ипатия, для слабого здоровьем ребенка было бы не худо сделать духовную карьеру и однажды уйти в монастырь, дабы вести там спокойное существование, к какому он так расположен. Что ждет его, такого слабенького и впечатлительного, в миру? Но Светорада и слышать о подобном не желает. Что ж, время все расставит по местам. Пока же Ипатий не видел ничего худого в том, чтобы отпустить ребенка в Пантелеймоновский монастырь. И хотя сам он был не больно религиозен, а Евангелие, пусть и лежавшее у него в доме на почетном месте под иконами, открывалось крайне редко, он всегда поощрял пасынка в учении.

В конце концов, сегодня в его доме званый пир, Светорада будет занята, а монастырская братия позаботится о Глебе. К тому же Светорада всегда спокойна, когда ее сын с отцом Симватием. После того как княжна сменила несколько духовников, которых пугала своими вопросами о религии, им просто повезло, что ей встретился авва Симватий – человек весьма передовой по своим взглядам. Он считал, что главное – прийти к Богу, а уж потом религия наставит новообращенную на путь истинный.

Когда священник и Глеб удалились, помалкивавший до этого Зенон неожиданно спросил:

– И этому ребенку ты готов оставить все свое наследство в обход вашего с Хионией сына Варды?

Брови Ипатия сурово сошлись на переносице.

– Варда глубоко оскорбил меня. Ты знаешь это, Зенон. Так что зря хлопчешь за него.

– Так уж и зря? – хитро сощутив свои заплывшие жиром глаза, спросил евнух.

Ипатий хорошо знал Зенона и сразу уловил в голосе брата нотки, заставившие его заволноваться.

– Разве тебе не нравится Глеб, этот умный и ласковый ребенок, которого я люблю всей душой?

Зенон какое-то время молчал, перебирая зернышки четок. Потом сказал, что Глеб был бы ему вообще мил, если бы в его жилах текла кровь рода Малеилов.

Ипатий этого не ожидал. Повисла напряженная тишина. Стало так тихо, что Ипатий слышал, как в небе с писком носятся ласточки.

– С чего бы тебе так говорить, Зенон? – после паузы хрипло спросил Ипатий.

– Тебе известно имя некоего Мануила Заутца? – вопросом на вопрос отозвался евнух.

Ипатий нервно вздрогнул, а затем начал торопливо говорить, что это ничтожество Мануил был назначен после Ипатия управителем Херсонеса. А Херсонес – место беспокойное. За несколько лет до назначения туда Ипатия херсониты даже посмели убить ставленника Константинополя. Поэтому в бытность Ипатия на посту херсонесского главы ему пришлось приложить немало усилий, чтобы расположить беспокойный таврический город к Византии. И у него все вышло. Однако за короткое время пребывания там Мануила этот неразумный свел на нет почти все усилия своего предшественника. Только когда Мануила услали, удалось вновь настроить Херсонес на союз и подчинение Византии. И если это ничтожество Мануил Заутца что-то плетет насчет Ипатия и Глеба...

– Это тоже одна из причин, по которой тебе надо вернуться в Константинополь, – прервал пылкую речь брата Зенон. – Ибо Мануил происходит из рода Заутца, а это семейство все же родня императора. Вспомни, что вторая жена Льва Философа была одной из них. А Мануил слишком изворотлив, чтобы после своего позорного пребывания в Херсонесе не попытаться вновь возвыситься. И не забывай, что ему покровительствует сам патриарх Николай Мистик. Кстати, теперь Мануил сейчас, ни много ни мало, спальник покоев Зои Карбонопсины. Он приближен к высшим кругам, где всячески наговаривает на тебя, представляя человеком хитрым, независимым и властным. Так что если ты в ближайшее время не явишься на службу... тебя могут причислить к заговорщикам.

Последнее было существенно. Ибо не так давно против власти императора Льва и его брата соправителя выступил ипостратиг¹⁶ Андроник Дука. А такие восстания не единожды вели к свержению правящей династии. Поэтому всякий, кто не спешил в это беспокойное время проявить преданность престолу, легко мог быть причисленным к восставшим и окататься в узилище.

Ипатий опустил голову, вздохнув:

– Зенон, ты ведь знаешь, что мне претит все время ползать у ног императора, выпрашивая подачки. Мне противна даже мысль о том, чтобы примкнуть к сонму бездельников и лизоблюдов, живущих за счет руги¹⁷ и проводящих дни в томительном бездействии...

Тут Ипатий осекся, поняв, что подобными словами он оскорбляет своего благодетеля брата, всю жизнь посвятившего службе при дворе. И он быстро перевел разговор на другое: дескать, неужели Мануил осмелился клеветать и на Глеба?

Зенон, переводя дыхание, откинулся на подушки. Становилось так жарко, что даже в мраморной беседке, расположенной в тени раскидистых крон деревьев, нельзя было спастись от духоты.

– Мануил кое-кому говорил, что ты приобрел свою Светораду, когда та уже была с сыном. То есть в крови Глеба столько же крови Малеилов, сколько коровьего молока в водах Понта Эвксинского.

Ипатий нервно задышал. Но Зенон смотрел на него, а ему он не смел лгать.

И тогда он стал говорить, что его сын от Хионии, Варда, всегда грубо и пренебрежительно вел себя с отцом, а когда Ипатий привез Светораду, то прилюдно оскорблял его, называя старым развратником. А последняя их встреча вышла такой скандальной, что теперь Ипатий готов оставить все свое состояние и недвижимость сыну Светорады, а не жестокосердному, непочтительному Варде, который только и делает, что расстраивает родителя. В то же время Глеб всегда приветлив, ласков и искренне любит Ипатия, как отца родного.

Все это Ипатий говорил, не глядя на брата, пока тот не положил свою горячую влажную ладонь на его запястье.

– Успокойся. И послушай, что я скажу. Ты можешь сколько угодно говорить о своей любви к сыну Светорады, но тебе не изменить того, что есть: он чужой тебе по крови. А Варда – твой сын и мой племянник. И так уж вышло, что я, не имеющий потомства, хочу, чтобы он унаследовал и твое, и мое состояние, чтобы именно он стал продолжателем нашего рода. Зов крови превыше всего. А Варда не так уж плох, сколько бы ты на него ни гневался.

– Он зол на меня за Хионию, – не поднимая глаз, произнес Ипатий.

– Да, для нее он хороший сын. Он чтит ее род и даже называет себя Вардой Солунским, в честь города Фессалоники, откуда родом ее семья. Варда, как и многие, считает Хионию святой женщиной, а ее проказу – испытанием Господним. И Варда уверен, что ты предал его мать ради девки-язычницы. Но ведь ты слышал и от других такие разговоры о себе, не так ли? Однако подумай о самом Варде. Он ушел из дома совсем мальчишкой, стал воином пограничных войск и дослужился до высокого чина. А когда арабские пираты напали и разграбили Фессалоники, Варда проявил себя как герой. Теперь он уже офицер хартуларий¹⁸ гарнизона в городе Ираклия¹⁹. Кстати, прибывший в этот город на смотр войск кесарь, брат и соправитель нашего императора, особо отметил его. Так что Варда вот-вот станет командиром дворцовых веститоров²⁰.

---

¹⁶ Ипостратиг – глава всех войск в Византии.

¹⁷ Руга – своеобразная плата и дарения, которые получало окружение византийского императора.

¹⁸ Хартуларий – высокий чин, офицер, в чьем ведении находились солдаты всей провинции.

¹⁹ Ираклия – древний город Гераклея Понтийская; ныне турецкий город Эрегли на побережье Черного моря.

²⁰ Веститоры – дворцовая гвардия.

Говоря все это, Зенон не мог не заметить, что глаза Ипатия заблестели при упоминании об успехах его родного сына. Но он все-таки сдержался. Сказал только:

– Хартуларий в Ираклии? Хм. Как близко от нас. И если там побывал и сам кесарь Александр, брат императора, мне бы следовало съездить и выразить ему свое почтение.

О сыне он больше не упоминал. Это было больно...

Но тут Ипатий услышал голос вернувшейся Светорады и, оставив брата, отправился в сторону дома. Зенон должен понять: у них сегодня званый ужин, на который придут половина окрестных землевладельцев. Даже сановный Евстафий Агир, проэдр синклита²¹, явится с супругой. А уж если такая персона не спешил ко двору на поклон...

И все же Ипатий понимал, что Зенон прав, требуя его возвращения в Константинополь.

Двойное окно с полукруглым верхом было изящно разделено посередине витой колонной. Причем весь проем богато оплетали гирлянды вьющихся растений, даря сумрак и прохладу в знойный день, затеня покой, отчего свет в помещении отдавал зеленью, словно вода в бассейне с рыбками. Да и вообще все в этой комнате было зеленоватым: отделанные мрамором стены, пушистый ковер на полу, покрывало на широком ложе.

Таким же зеленоватым, словно покрытым мхом, было и круглое мягкое сиденье, на котором перед зеркалом сидела княжна Светорада. Вокруг сустились служанки: одна подавала душистые притирания, другая укладывала заплетенные в косы волосы в изящную прическу, третья расставляла перед княжной шкатулки с украшениями, пытливо глядя на хозяйку, ожидая, что та выберет. Однако взгляд Светорады был отрешенным. То, что случилось с ней этим утром, все еще не шло из головы, вызывая потаенное волнение и трепет. Подумать только... Как это было безрассудно... и как прекрасно!

– Вы прикажете выбрать янтарь? – спросила, стараясь расшевелить непривычно задумчивую госпожу, наставница Дорофея. – К зеленому шелку он очень подойдет. И он ныне в такой цене! Даже не верится, что это всего лишь застывшая смола, как уверяет благородный Ипатий. Но как великолепно! И так идет к вашим глазам, милая Ксантия!

Светорада машинально взяла свои длинные серьги из янтаря, быстро скользнув взглядом по лицу Дорофеи. Эта матрона вечно сует свой длинный нос куда не следует. Правда, ее положение при Светораде двусмысленно: как дальняя родственница Ипатия Дорофея могла чувствовать себя членом семьи, но родство было дальним, а бедность Дорофеи не давала ей подняться выше положения прислуги. И кто знает, что там думает в глубине души эта матрона, которую приставили прислуживать иноземке из далекой Скифии? Внешне их отношения с княжной были вполне доброжелательными, но Светорада после случившегося опасается даже ее.

Другое дело – Силантий, верный Сила. Этот так лукаво поглядывал на Светораду, что было похоже, будто его тешили какие-то потаенные думы. Но он не выдаст. Древлянин по происхождению²², некогда ставший добычей ловцов людей на Днепре, он прибыл в Константинополь в оковах. Наверняка Силу с его мощью и угрюмым взглядом ждали рудники, если бы тогда Светораде как раз не понадобился раб-охранник. Признав в этом пленнике русича, она решила купить его. Ибо здесь, в такой дали от Руси, уже не имело значения, к какому из присоединенных князем Олегом племен принадлежит славянин, – тут они все были земляками.

– Вас что-то волнует, прекрасная Ксантия? – не отставала от непривычно притихшей княжны Дорофея. Она смотрела на Светораду немного искоса, отчего ее худое лицо с длинным носом на фоне пляшущих зеленоватых теней казалось особенно неприглядным.

²¹ Проэдр – в Византии председатель сената (синклита).

²² Древлянин – представитель древнеславянского племени, обитавшего на правом берегу Днепра.

Светорада вздохнула и приняла из рук одной из служанок позолоченную диадему, богато украшенную крупными светло-золотистыми каплями янтаря – как раз под цвет ее глаз. Служанки стали шумно восхищаться, называя хозяйку янтарной красавицей. Она сама невольно улыбнулась. Да, пусть, как утверждает Ипатий, янтарь – древняя смола, но в империи ромеев он стоил невероятно дорого. Этот янтарный гарнитур Ипатий приобрел для нее еще в Херсонесе, здесь же, в Византии, он считался удивительной роскошью.

Светорада оглядела себя в полированном металле большого овального зеркала. Для сегодняшнего пира она надела бледно-зеленую столу²³ из легкого шелка, струившегося прямыми складками от горла до самого пола. Этот дивный византийский шелк был тонко расшит замысловатыми золотистыми узорами, повторяющими рисунок пальмовых листьев. По подолу и на обшлагах рукавов рисунок становился более плотным, богато мерцал, утяжеляя почти невесомый шелк. На плечах лежало вместо ожерелья расшитое янтарем оплечье из более плотной зеленой ткани и длинные янтарные серьги Светорады почти ложились на него. Ну и диадема, удерживающая прическу – мерцающая, янтарная, изящная и великолепная.

У Светорады самой захватило дух, когда она смотрела на свое отражение. Ей было двадцать пять лет, она сияла столь дивной красотой, что и не поверишь сейчас, через что только ей не пришлось пройти в прошлом – скитания и горе, неволя и тяжелый труд. И все же она не утратила свою девичью грацию, ее лицо осталось гладким и нежным, губы были почти детски пунцовыми, черты лица совершенны, а глаза полны оживления. Не поверишь, как часто в них появляется тоска.

Но к чему тосковать, если в ее жизни все устроено? И когда в комнату вошел Ипатий, она встретила его ясной улыбкой и теплом своих янтарных переливающихся глаз. Может, была даже подчеркнута приветлива и мила с ним, ибо в глубине души чувствовала вину. Ведь изменила же ему, такому верному, заботливому, влюбленному... Почитай мужу, что бы там ни думали ромеи об их долгом сожительстве.

В честь приема гостей Ипатий тоже принарядился. На нем была длинная далматика сочного лилового цвета, оплечье мерцало драгоценными украшениями, а на переброшенной через плечо хламиде²⁴ из нежно-голубой парчи переливались вытканые серебристыми нитями кресты и лики святых. На поднявшуюся ему навстречу княжну он посмотрел с веселым восхищением.

– Янтарная!

В его голосе звучало гордое воодушевление. Она же стала торопливо сообщать, что уже была на кухне, проверила, все ли было сделано, как она велела. Светорада всегда давала точные и подробные указания кухаркам, причем ее фантазия и умение превратить обычное застолье в некое представление создали ей славу непревзойденной хозяйки. А сегодня она велела приготовить не просто любимые в Византии яства, но и блюда иных народов, в среде которых ей пришлось побывать. Конечно, византийцы почитали мир вне их империи варварским, но если блюдо было умело приготовлено и подано, никто не отказывался его попробовать. Однако главным украшением стола сегодня будет сваренный особым способом суп, который Светорада сама придумала и сама следила за его приготовлением.

Ипатий расцеловал ее в обе щеки:

– Я верю в твое мастерство изумительной хозяйки, моя княжна. Одно меня угнетает: из-за предписаний лекаря я мало что смогу попробовать из твоих яств. Но от твоего великолепного супа меня даже строгий патриарх не заставил бы отказаться.

Он нежно поцеловал ее в лоб под очельем янтарной диадемы. Прикрыл глаза, вдыхая ее запах, но когда она мягко отстранилась, едва смог сдержать вздох. Будь это богобоязненная

²³ Стола – длинное платье.

²⁴ Хламида – богато драпированный плащ, носившийся через плечо, так чтобы одна рука оставалась свободной.

ромейская женщина, он бы принял ее сдержанность за целомудрие. Однако Светорада была пылкой и смелой в любви, и он с горечью осознал, что в последнее время она отдаляется от него. Или он от нее. Эх, годы, годы...

И тем не менее, когда Ипатий под руку со Светорадой вышел на крыльцо виллы Оливий, они смотрелись настоящей супружеской парой, богатой и уважаемой. За ними, в атриуме²⁵, приятно звенели струи фонтана, взмывая из пасти глазастого бронзового дельфина, позелевшего от влаги, и опадая мельчайшими брызгами в круглый бассейн. Свежесть от фонтана несколько умаляла жару. И все же прибывавшие на званый пир гости, по ромейской моде разодетые в тяжелые одежды, спешили скорее оказаться в тени колоннады, дабы скрыться от палящих даже в эту закатную пору лучей солнца.

Когда к крыльцу подкатила запряженная сильными гнедыми лошадьми коляска проэдра Евстафия Агира, Ипатий лично помог ему сойти на землю.

– Слава Иисусу Христу! – приветствовал он важного гостя.

– Во веки веков!

Они смотрели друг на друга с веселым дружелюбием.

– Ну и жара, – вздохнул, поправляя складки парчовой хламиды, Агир.

Его серые прищуренные глаза лучились весельем, взгляд казался живым и молодым, хотя на висках и бороде явственно пробивалась седина. Будучи военным проэдр оставался поджар и крепок, а его обветренное породистое лицо к крупным орлиным носом, покрывал здоровый загар. Явно не царедворец, таящийся в тени переходов от ветра и зноя.

Рядом с Агиром из коляски вышла его маленькая вертлявая жена Анимаиса в алом, жестко накрахмаленном головном покрывале. Светорада, раскланявшись с Агиром (он ей нравился, и она не смущалась под его откровенно восхищенными взглядами), подала руку его супруге. Признаться, эту Анимаису она едва переносила, так от той веяло неискренностью и завистью. Когда-то хорошенькая, с возрастом она словно ссохлась от постоянных постов, а может, и от дурного нрава, отчего ее узкое лицо стало похоже на мордочку крысы – коричневатое-смуглое, с остреньким носиком и постоянно бегающими темными глазками.

– О, как погляжу, у вас новая роспись на стенах, – сказала супруга проэдра, окидывая взглядом стены триклиния²⁶, куда Светорада провела ее, чтобы угостить фруктовым напитком со льдом. – И надо же, ни одной божественной темы, все мирское. – Анимаиса осуждающе поджала губы.

Светорада тоже посмотрела на стенную роспись, где были изображены сцены сельской жизни: крестьяне, подрезающие лозы или идущие за плугом, пляшущие в хороводе поселанки, рыбаки, тянущие невод, а на главной стене – охотники, преследующие оленя.

– Это была моя идея, – спокойно заметила она госте. – Вы ведь в курсе, милая Анимаиса, что я не так давно вошла в лоно Церкви. И чего же вы хотите от столь мало знающей новообращенной, как я?

Княжна говорила вполне миролюбиво, но в ее голосе прозвучали такие непреклонные нотки, что надменная Анимаиса невольно прикусила язычок.

Над купами миртов и лавров гасло вечернее небо, но духота, похоже, не собиралась спадать. Гости рассаживались за поставленными вдоль стен столами, суетливые рабы-прислужники еще разливали благовонное масло в высокие бронзовые светильники, чтобы когда стемнеет, гости оставались в освещенном пространстве. Светорада увидела брата Ипатия Зенона, который с видом знатока следил за каждым подаваемым на стол блюдом.

– Надеюсь, вы останетесь довольны, – лукаво улыбнулась ему Светорада.

²⁵ Атриум – окруженный колоннадой внутренний двор.

²⁶ Триклиний – главный зал в усадьбе византийцев, служивший местом для пиров.

Зенон ответил что-то неопределенное. С сожительницей брата он был любезен ровно настолько, насколько это вообще мог выказать человек его положения, обладающий чувством собственного достоинства. Однако Светорада знала, как Зенон любил Ипатия, сколько сделал как для его возвышения, так и для того, чтобы помочь ему с разводом. Безуспешно, впрочем.

Светорада подумала, что пока они тут, в провинции Пафлагония, она почти не ощущает неполноценности их с Ипатием брака: к ней относятся любезно и даже священники из Пантелеймоновского монастыря не слишком строго смотрят, когда патрикий приезжает с новообращенной в христианство Светорадой на службу в их церковь. Другое дело в Константинополе, где положение княжны более чем щекотливое. Возможно, в этом была одна из причин, отчего молодая славянка решила принять веру Христову, к которой уже стала привыкать.

В этот вечер среди приглашенных был некий Прокл Пакиан, некогда служивший под начальством Ипатия в Херсонесе. Причем Ипатий уверял, что Светорада должна его помнить, однако княжна так и не поняла, кем был в Херсонесе этот рыжеватый, уже поседевший воин. Тогда, пять лет назад, в ее судьбе проходили столь стремительные перемены, что новые люди казались какими-то неясными бликами и никто особо не остался в памяти. Тем не менее при встрече с херсонитом Проклом она учтиво раскланялась.

Вообще-то, хозяйке на званом ужине полагалось развлекать только женщин. По местным традициям они даже на пирах держались в стороне от мужчин, а в триклинии стол для них ставился отдельно, на небольшом боковом возвышении у стены. Однако этих строгих правил в непринужденной обстановке в Оливии не очень-то придерживались. И Светорада видела, как гости порой подходят к женщинам, мило переговариваются, поэтому даже не удивилась, заметив, как сам проэдр Агир прошел под колонны портика к только прибывшей хозяйке соседнего поместья, госпоже Прокопии. Он взял ее под руку, а она только смеялась, слушая комплименты улыбающегося Агира.

Светорада тоже была рада приезду этой женщины. Эта Прокопия олицетворяла собой ту счастливую судьбу, о которой мечтают девушки на Руси, наслышанные о чудесах далеких ромейских краев. Вот и Прокопия – Капа, как звали ее некогда в Чернигове, – была дочерью русского купца, которой посчастливилось во время приезда с отцом в Константинополь пленить состоятельного ромея. Она осталась тут, давно приняла христианство, сменив имя и родив мужу дочь. Правда, вскоре Прокопия овдовела, что, однако, не мешало ей оставаться хозяйкой обширного поместья с прилегающими к нему виноградниками и пашнями.

Сейчас эта женщина весело болтала с Агиром:

– Вы всегда говорите такие нескромные речи, проэдр, словно хотите смутить столь порядочную и богобоязненную женщину, как я. Но не выйдет. И да будет вам известно, что я не из стыдливых, и вполне могу оценить забавную острогу.

Агир смотрел на эту пухленькую улыбчивую женщину с высоты своего немалого роста и игриво покручивал ус. Ну прямо лукавый молодец на празднике Купалы²⁷ в предвкушении ласковых игрищ. Этому солидному ромею нравилась Прокопия, и он почти не обращал внимания на ее юную дочь Грациану, скромно сидевшую в стороне. А ведь Грациана – дочь белокурой русинки из Чернигова и местного грека, была очень мила, даже чуть курносый маленький носик ее не порти. Но в глазах Агира вспыхивало веселье только, когда он смотрел на ее хохотушку мать.

Светорада уже знала, что все это лишь светские любезности, но невольно посмотрела туда, где среди собравшихся женщин звучал пронзительный голос супруги проэдра, что-то цитировавшей из популярных стихов поэтессы Кассии²⁸. Анимайса любила быть в центре вни-

---

²⁷ Праздник Купалы – празднество на Руси в честь языческого божества плодородия Купалы. Отмечался очень весело и славился вольным характером.

²⁸ Кассия – византийская монахиня и поэтесса, жившая в IX веке.

мания и, увлеченная собой, не замечала, как ее муж обхаживает веселую вдовушку из соседнего поместья. К тому же Агир вскоре должен был оставить милую Прокопию, дабы занять свое место за пиршественным столом подле хозяина поместья.

Светораде же предстояло сидеть с его женой Анимайсой – не самое приятное соседство. Зато с другой стороны расположилась веселая Прокопия, которая внезапно затихла и даже вдруг всхлипнула, узнав в одном из подававшихся блюд славянскую окрошку. Причем по жаре это холодное блюдо с мелко нарубленными овощами и зеленью, приправленными жирной сметаной и кисловатой сывороткой, так хорошо было принято ромеями, что большой котел, из которого слуги разливали по мискам окрошку, быстро опустел.

Потом гости с интересом накалывали на вилки²⁹ пельмени, рецепт которых Светорада вызнала, когда жила в племени мерян³⁰, пробовали маленькими ложечками черную зернистую икру, привезенную из Хазарии, отведали и болгарский кебаб³¹. Гостей насмешил вид вареников с абрикосами, но и с ними они управились с завидной скоростью. Тех же, кто отдавал предпочтение византийской кухне, Светорада попотчевала любимым тут густым пюре из трески, фаршированными зеленью яйцами под соусом, мясными пирогами, начиненными пряностями, маринованными оливками и всевозможными салатами. Подавались и вина – легкие светлые, терпкие темные, а также сладкие красные, которые надо было пить, сильно разбавляя водой, – настолько они были крепкими.

Первый тост за столом был традиционно произнесен за ныне царствующего императора Льва Мудрого, представителя Македонской династии. Второй тоже традиционен – за главу Церкви патриарха Николая Мистика. Поскольку эти два имени прозвучали почти одновременно, люди сразу стали обсуждать противостояние, какое наметилось между отцом Церкви и правителем державы. Опять же дело было в желании Льва вступить в новый брак с Зоей Карбонопсиной – угольноокой или огненноокой, судя по ее имени. Многие говорили, что, хотя красавица Зоя происходит из достойной семьи и уже родила Льву сына, судьба распорядилась так, что ей, видимо, не стать императрицей. Четвертый брак, как-никак... Нет, благочестивый Николай абсолютно прав, что столь строго стоит на своем.

– Именно поэтому Лев и обратился за поддержкой в Рим, к Папе, – заметил Зенон, изящно отправляя в рот крупную оливку. Он был в курсе событий при дворе и мог сообщить последние новости.

Пирующие тут же загомонили. Большинство из них были недовольны. Несмотря на то что Папа Римский был главным из пяти иерархов Церкви³², византийцы, считавшие себя истинными христианами, возмущались желанием императора решить вопрос не с церковным главой богатого Константинополя, а через посредство Папы из далекого Рима. И они так расшумелись в спорах, что Светорада, сидевшая с отсутствующим видом, вся еще в грезах утреннего свидания, невольно очнулась и прислушалась к разговорам.

По сути она даже сочувствовала желанию Льва жениться на матери своего сына и недоумевала, отчего христианская Церковь (самая милосердная и мудрая, как уверяли ее приверженцы) чинит препоны в простом желании базилевса сочетаться браком со своей избранницей. Вот на Руси мужчина мог иметь нескольких жен, но законной считалась только мать его детей, а эти хитромудрствующие ромеи все сомневаются, спорят, шумят о безнравственности государя, возжелавшего вступить в новый брачный союз. Но ведь дети, каких рожали ему прежние жены, уже умерли, а нынешний наследник так и слывет бастардом из-за того, что по церковным

²⁹ В Византии двузубые вилки (фурки) в то время были уже в широком пользовании.

³⁰ Меряне – финно-угорское племя, обитавшее в окрестностях нынешнего Ростова.

³¹ Кебаб – блюдо из мелко нарубленного мяса, поджаренного на вертелах.

³² До раскола Церкви Папа Римский считался первым среди пяти христианских патриархов (Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский).

канонам четвертый брак не может быть признан действительным. Некоторые стали уверять, что человек вообще должен жениться только раз, а все остальное время блюсти целомудрие.

Но тут даже Ипатий подал голос, стал перечислять причины, по которым Церковь позволяла развод и новый брак: если жена покушалась на жизнь мужа, если кто-то из супругов сошел с ума, а главное – если один из них болен и не в состоянии выполнять супружеский долг. На последнем Ипатий остановился особо, так что гости, знавшие о его личной проблеме, стали переглядываться, а многие демонстративно смотрели в сторону прекрасной Светорады-Ксантии, понимая, что она и есть причина, из-за которой Ипатий так горячится. Светорада почувствовала себя неловко и, чтобы отвлечь внимание гостей, жестом велела управляющему начать очередную перемену блюд.

Подали ее новоизобретенный суп.

Надо заметить, ее задумка удалась: споры спорами, но когда обоняние гостей уловило новый изысканный аромат, когда люди начали вкушать яство, разговоры о судьбах власти имущих и тонкостях бракоразводного процесса уже не казались такими занимательными. Гости сопели, хлебали, закатывали глаза, пытались определить, как и из чего было приготовлено это блюдо и почему обычная на вид похлебка столь непередаваемо вкусна. Светорада же только смеялась, говоря, что это ее маленькая тайна и пусть, мол, они сами решат, что им подали.

Вкушать пищу на пирах было одним из любимых занятий ромеев. Их пиры были довольно однообразными и долгими, даже звучавший извне протяжный и стройный хор мужских голосов (хоровое пение ромеи предпочитали всем остальным) не способствовал оживлению собравшихся. Поэтому по знаку Светорады в покой входил то комедиант с дрессированными собачками, чьи трюки веселили и забавляли собравшихся, то специально нанятый циркач, который ловко жонглировал множеством разноцветных шариков. Но когда очередное зрелище приедалось, Светорада жестом отпускала артистов, чтобы гости могли пообщаться, поговорить, выпить еще вина и обсудить новости.

Одной из животрепещущих тем в те дни было неожиданное известие о том, что знаменитый флотоводец и военачальник Андроник Дука, одержавший для Византии немало блестящих побед, неожиданно стал врагом государя и даже, как поговаривали, перешел на сторону мусульман. Гости просили приближенного к особе императора аристократа Агира высказаться по этому поводу, и тот начал объяснять, что тут не обошлось без каверз придворного евнуха Самоны. Самона уверял базилевса, что популярность Андроника слишком велика, вот по его наущения Лев и стал возвышать другого военачальника, молодого друнгария флота³³ Имерия. Андроник же почувствовал себя задетым подобным пренебрежением императора. Ну а потом, когда Имерий, не согласовав свои действия с Андроником, совершил несколько удачных военных рейдов, Андроник ощутил себя оскорбленным и заключил союз с арабскими эмирами.

Некоторых из собравшихся волновали возможные перемены в государстве, однако среди гостей большинство составляли простые землевладельцы, которые вскоре устали от разговоров о высокой политике. Эти люди больше привыкли вести разговоры с добродетельными супругами о солении овощей впрок или паломничестве какого-нибудь знакомого к мощам святых, а все эти дразги властителей казались им такими же далекими, как всплывавшая над садом луна.

Светорада тоже устремила взор на ночное светило, похожее сейчас на позолоченный византийский щит. Мысли княжны то и дело возвращались к утреннему приключению. Она условилась встретиться со своим негаданным любовником на следующее утро, но разумно ли это? Да и придет ли он? И кто он на самом деле? Что для него эта встреча?

– Что? – повернулась она к о чем-то спросившей ее Прокопии. – Простите, душенька, но я немного отвлеклась.

³³ Друнгарий флота – пост, равный адмиральскому.

Прокопия негромко спрашивала, известно ли Светораде что-нибудь о Варде сыне Ипатия. До них с Грацианой дошли слухи, что он сейчас находится в Ираклии, где проводит смотр войск брат императора Льва.

– О, наш багрянородный Александр решил проявить себя на воинском поприще? – подала голос Анимаиса, сидевшая по другую сторону от Светорады.

Прокопия покосилась на жену проэдра, недовольная тем, что эта сплетница прислушивается к их разговору, и уже совсем тихо добавила, что они с Грацианой очень надеялись, что на пир к Ипатию явится и Варда.

– Ах, моя девочка так влюблена в него! – шептала Прокопия, а Грациана, прекрасно знавшая, о чем идет речь, залилась милым румянцем. Прокопия же продолжила: – Варде было предсказано, что именно тут, в Пафлагонии, он встретит свою судьбу, и мы с Грацианой надеемся, что моей девочке суждено привлечь его внимание. Они с Вардой встречались несколько лет назад, когда Грациане было всего двенадцать. Дочка уверяет, что, если Варда Малеил не станет ее мужем, она предпочтет удел монахини в одной из окрестных обителей.

Светорада смотрела на Грациану, которой так шло волнение к ее немного отстраненному, задумчивому личику. Надо же, мечтая о мужчине, она просто ожидает его и бездействует. Нет, в юности, когда саму Светораду переполняла первая любовь, она не сидела сложа руки, она действовала, пока не добилась своего. И ее милый... Самый милый и любимый по сей день... Но она запретила себе жить прошлым, ибо это повергает ее в такую печаль, что... Нет, лучше отвлечься.

– Мне ничего не известно о Варде Солунском, – тихо ответила она, видя, что хитрая Анимаиса краем глаза следит за ними и даже чуть склонилась, прислушиваясь. – Варда не друг мне, он достаточно резко отзывался о нашем с Ипатием желании вступить в брак. Так что вы напрасно надеялись встретить его тут, в Оливии. Нам не нужны лишние скандалы.

Прокопия вздохнула, сожалея, что их с дочерью надежда на встречу с Вардой не оправдалась. А ее Грациана так упряма, что может и впрямь однажды заявить о своем решении принять постриг. Прокопии же это не мило, ей бы лучше внучат понянчить...

Ну, если верить тем слухам, что ходят о ней самой и Евстафии Агире, Прокопия не только о внуках думает. Однако Светорада могла понять ее нежелание видеть дочь монахиней. Молодая княжна вообще не понимала, как можно предпочесть жизнь с ее страстями и событиями унылому затворничеству в обители. Поэтому ее волновало, что Глеб так тянется к монахам, выискивая всякий предлог, чтобы поехать в монастырь. Увлечение сына христианской религией настораживало Светораду, она всегда сердилась, когда Ипатий уверял ее, что с такими способностями, как у Глеба, мальчику самое место на духовной стезе. Вон и сегодня он отпустил его в Пантелеймоновский монастырь, и они даже немного повздорили по этому поводу. Совсем немного, если учесть, что княжна, как хорошая жена, не позволяла себе бывать резкой с человеком, под покровительством которого жила.

От мыслей ее отвлекло неожиданно сказанное кем-то слово о Руси. Светорада вмиг вся превратившись в слух. Услышала, что Ипатий просит своего гостя из Херсонеса поведать, как теперь обстоят дела в этой далекой стране скифов.

Светорада почти безотчетно подалась вперед, так что заколыхались ее длинные янтарные серьги, ярко вспыхнули глаза. Ипатий посмотрел на нее: он знал, что его княжну не могут не заинтересовать вести с родины, вот и расспрашивал Прокла с умыслом доставить приятное возлюбленной.

Тяжеловесный, суровый херсонит Прокл оказался довольно неплохим рассказчиком.

– Правитель Руси Олег, покорив соседние племена и подчинив своему граду Киеву удельных князей Руси, пребывает сейчас в мире и покое, – говорил он. – Недавно Олег женил своего родственника и наследника Игоря на очень известной на Руси женщине, удочеренной самим Олегом. Ее зовут Ольгой. Говорят, будто ее любовь с Игорем Киевским имеет давнюю историю.

Мне даже сообщали, что Игорь долго не хотел жениться, предпочитая семейным радостям удел воина. Однако Ольга сейчас стала столь могущественной и почитаемой женщиной на Руси, что Игорь решился сделать ее своей женой, ибо равной ей нет никого в пределах Скифии.

Светорада слышала, как Прокопия шептала Грациане, что вон, дескать, женщина ждала своего избранника и дождалась. Светорада куда больше могла бы рассказать об отношениях этих двоих, и у нее даже забилося сердце, когда она поняла, сколько выдержки, ума и такта пришлось приложить Ольге, чтобы соединиться с милым ее сердцу Игорем.

Между тем Ипатий сказал Проклу, что, когда он покидал Таврику, там все больше говорили о некоем беспрецедентном по своей дерзости походе молодого предводителя русов на берега Хазарского моря³⁴. Прокл ответил, что такой поход и впрямь имел место, причем русы захватили немало добра, но потом их стали преследовать хвори, многие заболели и умирали. В конце концов, они взяли награбленное добро и направились восвояси. У них ведь был заключен договор с правителями Хазарии, что смогут беспрепятственно пройти через их земли. Однако хитрые хазары не выполнили договор и напали на поредевшее войско русов. Те смогли прорваться, но с великим уроном для себя и потерями. А их предводитель (Прокл все не мог припомнить его имя, но считал, что это Игорь Киевский), по возвращении домой, не получил долгожданной славы, так как слишком много его воинов полегло в этом походе. Так что для него единственным способом вернуть расположение подданных, стало решение сойтись в браке с прославляемой и почитаемой на берегах Днепра Ольгой.

– Мне рассказывали, что вся их варварская столица веселилась на этом свадебном пиру, и весь город представлял собой одно сплошное застолье и игрища, – закончил Прокл и мрачно поглядел на жующих и переговаривающихся под его рассказ гостей: вот, старайся для них, а им и дела нет до того, что происходит за пределами их мира.

В это время к Светораде приблизился управляющий и осведомился, не настала ли пора снова развлечь гостей?

– Сейчас иду, – ответила княжна, но еще какое-то время сидела, раздумывая о только что полученных вестях с родины.

Игорь... Он всегда желал добиться воинской славы, но постоянно проигрывал. А ведь Ольга, несмотря ни на что, так любила его! Некогда и Светорада была просватанной невестой Игоря, но сбежала перед свадебным пиром с тем, кого любила без памяти. Именно Ольга и помогла им, хотя сделала это главным образом для того, чтобы избавиться от нежелательной соперницы.

Позже, когда они с Ольгой встретились вновь, на их долю выпали нелегкие испытания, сблизившие и сдружившие их. После небезызвестных событий у смоленской княжны остался сын Ольги и Игоря, маленький Глеб³⁵, которого Светорада вот уже много лет называет своим ребенком, не признавшись даже верному Ипатию, что это не ее дитя. По крайней мере Ипатий, одно время страстно хотевший, чтобы она родила ему ребенка, благодаря Глебу не попрекал ее бесплодием. Что до отца Глеба, то Ипатий никогда не спрашивал о нем... А она ничего не говорила.

Вздыхнув, Светорада извинилась перед соседками по столу и покинула их. Гости продолжали беседу, пробуя новые блюда, которые расторопные слуги подавали на стол. На сей раз это была рыба, по традиции приправленная корицей, гвоздикой, индийскими специями. Запивать рыбу полагалось неразбавленным вином, терпким и ароматным, и некоторые гости заметно охмелели. Поэтому, когда звуки хора неожиданно смолкли и зазвучал бубен, к кото-

---

³⁴ Каспийское море.

³⁵ Об этих событиях рассказывается в романах «Светорада Золотая» и «Светорада Медовая».

рому присоединились приятные мелодичные переливы, издаваемые арфой и кифарой³⁶, они стали удивленно озирались.

Сперва улыбающиеся юные слуги посыпали мрамор пола легкими розовыми лепестками, потом откинулся занавес на проеме, ведущем в триклиний, и в зал ровной вереницей стали входить танцовщицы. Гости оживились, а потом и удивились, узнав в шествующей впереди танцовщиц саму хозяйку поместья.

Обычно в Византии знатные матроны не позволяют себе плясать на пирах, однако Ипатий, знавший, как дивно умеет танцевать его княжна и как она любит танцы, не стал ей перечить, узнав, что она задумала. И сейчас Светорада гордо и величаво шла среди них, ее золотистые глаза в обрамлении янтарных украшений ярко блеснули, а движения были легки и грациозны. К тому же танец был вполне пристоем: плясуньи едва ли показывали пирующим больше своих босых ножек, выглядывающих из-под длинных подола.

Двигались танцующие то тесными группками, то плавно выстраивались в одну цепочку. Светорада хорошо поработала с плясуньями, в их танце чувствовалась слаженность, одинаковые движения рук уподоблялись колыханию колосьев, а в изящных наклонах стана, чувствовалась только скромная грация. И только эти босые ножки, которые мелькали среди розовых лепестков на полу, могли смутить воображение зрителей.

Между тем величавые звуки арфы сменились более живым и быстрым ритмом, девушки сходились и расходились все быстрее, плавно кружились, на их раздумывавшихся лицах сияли улыбки, а распущенные волосы летели вслед за ними. Они все живее двигались то в одну, то в другую сторону, пока не выстроились перед зрителями полукругом, грациозно подняв руки. Миг – и музыка смолкла, плясуньи замерли. Наступила тишина. Но лишь на миг. Потом раздались рукоплескания.

Ипатий первый встал, хлопая в ладоши, а там и Агир поднялся, и иные гости. Женщины, невольно пораженные и смущенные тем, что произошло, тоже били в ладоши, только не смели встать. Некоторые улыбались, когда девушки и госпожа Ксантия выходили из триклиния, и даже ворчливая Анимаиса заметила, что некогда в самой Палатии при второй императрице Зое исполнялись такие танцы, причем августа тоже принимала в них участие.

Веселый и счастливый Ипатий, откинувшись на спинку кресла, вдруг заметил, что его брат Зенон сидит с каким-то оторопелым видом.

– Что, достойный препозит, сейчас подобные развлечения не практикуются в Священном Палатии?

Зенон медленно повернул к нему свое круглое, как луна, лицо.

– Практикуются. В Палатии вообще много позволено. Однако знаешь, брат, я все время думал, кого напоминает твоя славянская возлюбленная. Сдается мне, что она похожа и ликом, и повадками на бывшую императрицу.

– А ведь и впрямь так, – поддержал Зенона сидевший с другой стороны Агир. И, помедлив, произнес: – Странно.

Позже, когда пир был окончен и гости разъехались, Ипатий увидел Зенона на опоясывающей усадьбу галерее. Евнух задумчиво смотрел на плывущую высоко в небе луну и даже не повернулся, когда Ипатий подошел и встал рядом. Какое-то время они так и стояли, глядя на озаряемое луной небо, похожее на темное вино, в которое подмешали воду. На его фоне высившиеся в саду кипарисы и тополя казались замершими стражами. Ночная роса уже принесла прохладу и прибила пыль, появились летучие мыши, стрекотали цикады.

---

³⁶ Струнный музыкальный инструмент.

– Ну и что ты, строгий исполнитель церемониалов, скажешь о нашем пире в Оливии? – позевывая, спросил Ипатий и перекрестил рот. – Не шокирован ли ты нашими простыми сельскими нравами?

– Меня шокировало иное, – ответил препозит двора, не поворачиваясь к брату. – И слепец бы увидел, насколько ты популярен в феме Пафлагония. И все твои гости, начиная с главы сената и заканчивая вдовой Прокопией, просто преклоняются перед тобой... может, даже любят. Последнее было бы совсем неплохо, если бы ты имел репутацию верного человека в глазах священнейшего базилевса. Но он думает о тебе иначе. Считает, что ты упрямый и богатый динат³⁷, сторонись престола. И это тогда, когда мятежный Андроник Дука ищет себе союзников...

Ипатий резко повернулся, так что даже звякнули драгоценные подвески его расшитого оплечья.

– Беру в свидетели небо, у меня и в мыслях нет изменять светлейшему!

Но Зенон продолжил, словно и не заметил реплики брата:

– И если слухи о твоей популярности дойдут до пребывающего в Ираклии Понтийской кесаря Александра... Царственный Александр, человек недобрый и наслаждающийся интригами, легко сочинит что-нибудь такое, что скомпрометирует тебя. Поэтому я вновь прошу тебя, Ипатий, как можно скорее вернуться как достойный миртаит на службу в Палатий!

Ипатий склонился, опершись локтями о мрамор балюстрады. Некогда он так желал получить эту должность при дворе! И Зенон сделал все, чтобы его брат смог возвыситься. Сейчас же его больше интересовало то, что сообщил ему Прокл Пакиан: корабль Ипатия с закупленными кожами уже вышел из Херсонеса и надо дожидаться его прибытия, чтобы не вызвать ничьих подозрений.

– Через несколько дней праздник святого Пантелеймона³⁸. Мы отстоим со Светорадой в церкви монастыря литургию и начнем сборы. Тебя это устроит?

Когда Зенон кивнул, Ипатий стал просить брата похлопотать найти должность в Палатии и для его друга херсонита Прокла.

---

³⁷ Динат – представитель земледельческой аристократии.

³⁸ День святого Пантелеймона – 27 июля.

Глава 3

Море искрилось в солнечном свете. Большая хеландия³⁹, разрезая узким носом волны Понта Эвксинского, шла на всех парусах вдоль малоазийского берега Византии.

Пригнувшись при выходе из низкой кормовой надстройки, Светорада прикрыла рукой глаза от слепящего солнечного света. Только через миг она разглядела беседующего с капитаном Ипатия. У того был встревоженный вид. Он не зря зафрахтовал для переезда столь мощный корабль – слухи о волнениях в связи с мятежом Андроника Дуки беспокоили многих, ибо никто не знал, что может случиться в ближайшее время.

Светорада увидела под палубой слаженно налегавших на весла гребцов, сильные спины которых лоснились от пота. Но, тем не менее, многие из них подняли головы, заметив наверху нарядную молодую женщину в светлом, по восточной моде, тюрбане и разлетавшейся на ветру ярко-голубой легкой накидке. Лицо Светорады до самых глаз было прикрыто полупрозрачной вуалью, причем не столько от скромности – когда это красавица княжна смущалась мужских взглядов? – сколько для того, чтобы горячее солнце не сожгло кожу. Ей бы не хотелось приехать в столицу мира Константинополь загорелой, как какая-нибудь собирательница винограда.

Стоя у борта корабля, она вглядывалась в проплывавшие мимо них берега. Песчаные отмели у воды казались на солнце почти белыми. Мощные сторожевые башни из камня венчали округлые возвышенности.

К ней подошел Ипатий.

– На море все спокойно, душа моя, и вскоре мы войдем в воды Босфора. С Божьей помощью наше плавание пройдет спокойно.

Но все же Светорада спросила:

– Ты опасаясь, что мятеж этого Дуки и впрямь может привести к волнениям?

Патрикий кивнул.

– Я знал этого Андроника Дуку. Очень умный, жесткий и властный человек. Он и с базилевсом держался, как с низшим, хотя, что там говорить, император Лев порой словно напрашивается, чтобы с ним вели себя дерзко, – столько в нем неуверенности и смущения, как будто вся империя держится не на его плечах, а он сам случайно оказался на троне. Из-за его робости им и помыкают все, кому угодно: то бывший тесть, то главный евнух Самона, то патриарх Николай. Вот Андроник, более способный, смелый и решительный, и возмечтал добиться трона.

– А такое возможно?

Ипатий хмыкнул.

– Такое в Византии не диво. Скажу тебе, что даже отец нынешнего императора пришел к власти, свергнув и убив своего предшественника Михаила Пьяницу⁴⁰.

Светорада передернула плечами, подумав: надо же, какое прозвище было у императора! Нынешний правитель Лев льстиво зовется Мудрым или Философом из-за своей учености. И все же он опасается за свой трон. А вот на Руси над всеми князьями стоит Олег по прозвищу Вещий. И хотя у Светорады остались о нем не самые приятные воспоминания, она ощутила гордость, оттого что Олег в далекой Скифии непреложный правитель. Взяв в свои умелые руки власть после смерти Рюрика, он расширил и укрепил Русь, да и вообще, правит так, что даже Игорь, сын и наследник Рюрика, не смеет противостоять его воле.

---

³⁹ Хеландия – грузовой или военный византийский корабль, вмещавший до ста и более человек.

⁴⁰ В 867 году возвышенный императором Михаилом III Василий Македонянин приказал своим людям убить императора во дворце Св. Маманта. Сам же занял престол как Василий I Македонянин, положив начало новой Македонской династии.

В Византии же... Она молча выслушала рассказ Ипатия о том, как произошло убийство Михаила Пьяницы. Ипатий говорил с ней на славянском – не только потому, что не хотел, чтобы их поняли другие, но и для того, чтобы сделать Светораде приятное. К тому же она – некогда легкомысленная девушка, а ныне подруга и советчица – была не из тех женщин, с которыми можно говорить лишь о нарядах и сплетнях. Светорада многое понимала из того, что происходило в Византии, вникала во все дела Ипатия. Он даже поведал ей, что когда фрахтовал в Ираклии корабль для переезда, то встретился там с самбазилевсом⁴¹ Александром. И брат императора принял Ипатия, но держался с ним холодно. Причем среди окружавших самбазилевса патрикиев Ипатий увидел своего сына Варду. И понял, что Варда милости у кесаря Александра, поскольку тот улыбался молодому воину и то и дело обращался к нему. И видимо это Варда, непримиримый к отцу, настроил Александра против своего родителя, что весьма прискорбно.

Тем не менее Светорада уловила в голосе Ипатия и некую гордость. Сын все же... Хоть и непокорный.

– А Варда похож на тебя? – спросила княжна.

Ипатий потер седую щетину на щеке. Перед возвращением в Константинополь он решил отпустить бороду, так как большинство ромеев, стремясь походить на своего правителя Льва, отказались от моды гладко брить лица. Однако Светорада находила, что Ипатию это не слишком идет и заметно старит. Но сказать ему об этом не решилась.

– Варда стал очень хорош собой, – произнес патрикий опять-таки с гордостью. – Военская служба явно пошла ему на пользу. Плечистый, сильный, он похож на греческое божество, как их изображают в статуях. А похож ли он на меня?.. Нет, пожалуй. По крайней мере у него такие же светлые глаза, как и у Хионии.

Светорада вдруг ощутила, как несколько раз гулко ударило сердце. И мелькнула подозрение: а не ее ли это Тритон?..

Задумавшись, она отошла от Ипатия, смотрела на море. Нет, не может быть, чтобы ее случайный любовник оказался сыном Ипатия. Судьба не должна так шутить с ней! Они никогда не виделись с Вардой, но княжна была наслышана, как грубо и непочтительно он отзывается о сожительнице отца. А тот, из моря, был так ласков... Нет и нет – она не желала верить, что хамоватый Варда и ее ласковый любовник одно и то же лицо!

Светорада вспомнила, как еще несколько раз ездила купаться на морское побережье под скалами у Пантелеймоновского монастыря. И каждый раз Тритон поджидал ее там. Они плавали в волнах, дурачились, смеялись, целовались, предавались любви... Ах, как это было похоже на любовь... Их безудержная, сводящая с ума страсть... Тритон был ласков и неутомим, и что только он не вытворял с ней! Какое это было восхитительное бесстыдное безумие!

Тритон всегда говорил, что его наяда дарит ему почти забытые ощущения желания и нежности. Но кроме как о своей страсти, они ни о чем больше не говорили, словно понимали, что это может разрушить дивное очарование их свиданий. И хотя Светораде было любопытно узнать, кто ее таинственный любовник, сам Тритон как будто стремился остаться неузнанным.

– Пусть я буду для тебя просто подарком моря, – сказал он в их последнюю встречу.

Последнюю... Ибо когда Светорада в очередной раз приехала на свидание... Тритон не явился. А она и не ожидала, что это настолько расстроит ее. Поэтому княжна приходила на их место еще пару раз, ждала. Его неожиданное исчезновение задевало самолюбие красавицы и приносило в ее жизнь некий отголосок одиночества. Неужели чуда больше не повторится и ее негаданная тайная любовь уже в прошлом?

Она перестала ездить на побережье. Сперва обида на Тритона удержала, потом отвлекли связанные с отъездом хлопоты. Тем не менее о Тритоне она думала чаще, чем ей хотелось. Их

---

⁴¹ Самбазилевс – император-соправитель, брат императора.

отношения напоминали княжне зарождение любви... Такой любви, от которой бьется сердце, путаются мысли, тысячи желаний и волнений переполняют душу. С Ипатием она жила в довольстве и покое – вполне достаточно, чтобы не вспоминать о страстях. Но вот поди ж ты... Вновь захотелось чего-то сладкого, запретного. Как в юности, когда она была совсем девчонкой и посмела влюбиться в того, кто не был ей предназначен.

От мыслей Светораду отвлекли громкие команды капитана. Громче ударили в било, задавая ритм гребцам, а тяжелые весла, поднявшись с одной стороны, с другой глубже ушли в воду, разворачивая корабль. Понт Эвксинский остался позади, синий и огромный; волны переливались вокруг, ни на миг не оставаясь без движения; вдоль бортов мелькали мокрые спины играющих дельфинов. Кормчие сильнее налегли на рулевое весло, направляя мощную хеландию в Босфорский пролив.

– Радуйтесь, Бог посылает нам попутный ветер! – воскликнул капитан.

Как всегда, в этом месте на корабль налетели чайки, крикливые, требовательные. Ипатий передал Светораде поднос с мелко нарезанными кусочками хлеба, и она стала кидать их прожорливым птицам. Чайки пикировали и ловили подачку прямо на лету, подбирали упавшие крошки с поверхности воды, зависали над палубой в ожидании очередной порции.

Светорада смеялась, а Ипатий неожиданно вспомнил, как любит это развлечение Глеб. Светорада промолчала. Именно Ипатию принадлежала идея оставить Глеба в поместье.

– Еще неясно, как у нас все сложится в Константинополе, – пояснял он, уговаривая возлюбленную не брать с собой сына. – Удержусь ли я на службе, ждет ли меня опала? А в Оливии Глеб под защитой, да и для его здоровья лучше побыть там до октября. Вспомни, как помогло ему пребывание в провинции в прошлом году. К тому же приглядывать за ним будут авва Симватий и наш верный управитель Роман.

Светорада уступила. Она понимала, что Глеб в том возрасте, когда мальчиков полагается освобождать из-под женской опеки и передавать на воспитание мужчинам, но ей не хотелось, чтобы наставниками сына стали монахи. Уезжая, Светорада дала строжайшие указания управляющему, чтобы тот проследил, дабы ее мальчик чаще оставался в Оливии, играл с местными детишками, больше отдыхал и резвился на воздухе, а не ходил по поводу и без повода в монастырь.

Светорада вздохнула при мысли, что долго еще не увидит своего малыша. Сына Ольги и Игоря, которого она назвала своим. И еще Светорада подумала, как бы сложилась судьба мальчика, если бы он остался с родителями, которые теперь составляли супружескую пару. Во всяком случае он мог стать законным наследником Руси. Теперь же Глеб для них безвозвратно утерян.

Вверху захлопал надуваемый ветром парус. Темно-синие волны Босфора вспенивались белыми гребешками, по обе стороны пролива зеленели холмистые берега, на которых виднелись окруженные каменными оградами виллы знати. Хвойные деревья и светлые строения придавали берегам удивительную живописность. А впереди уже сверкало на солнце Мраморное море – Пропонтида.

Царьград, словно дивное видение, возвышался на высоком длинном берегу, вырисовываясь на фоне солнечного неба своими куполами, дворцами, башнями. Стены, окружавшие город со всех сторон и проходившие над водами моря, высокие и мощные, зубчатые и неприступные, представляли собой самое надежное защитное сооружение. Но все же более всего притягивал взгляд огромный купол с крестом в вышине. Святая София! Храм, в котором Светорада впервые ощутила величие и мощь великого Бога христиан!

По мере приближения к Константинополю движение по Босфору становилось все оживленнее: мимо проплывали мощные военные дромоны и хеландии, проносились под склонен-

ными парусами быстроходные галеи⁴², скользили мелкие рыбацкие лодки. Большие корабли, проходившие мимо, были нагружены мраморными глыбами, тюками с товаром, жалобно блеявшим скотом, амфорами и пифосами с зерном, винами, благовониями. С каких только концов света не приплывали сюда корабли, обогащая столицу мира – Царьград, как называли этот город на Руси, богохранимый Константинополь, «золотой мост» между Европой и Азией. Из Африки сюда привозили слоновую кость, раковины-жемчужницы, золотой песок и белые алмазы, не слишком красивые, но совершенно необходимые для огранки драгоценностей. Из западных стран доставляли вино, олово, древесину, из Греции – шерсть и великолепных, спокойных, как изваяния, волов. Из Таврики в Константинополь шли корабли с кожами, вином, солью и соленой рыбой, из Хазарии привозили быстроногих коней, а из Скифии, то есть Руси, – меха, мед, янтарь и рабов... Приплывали из дальних пределов Индии корабли с серебром, металлами и драгоценными камнями, из страны Сино⁴³ – с великолепным железом и великолепными же тканями. Персия продавала тут сладкие и острые пряности, благовония, а иные азиатские государства поставляли зерно, мыло, фрукты, лен-сырец и тоже рабов...

Надо отметить, что значительная часть товаров поступала в Византию в виде сырья, которое местные умельцы превращали в изумительные товары: украшения, ковры, ткани, мебель и великолепные дворцы. Предметы роскоши, изготавливаемые в мастерских Константинополя, пользовались популярностью не только в самой Византии, но и во всем мире. И Царьград – столица мира, как о нем говорили, – богател и рос на торговле, становился законодателем мод, образцом для подражания, славился во всех пределах. Этот город был окружен завистниками и врагами, но смотрел на них как бы свысока, ибо ромеи считали, что только они одни находятся под особым покровительством Бога. Они – истинная цивилизация, сохранившая блистательную культуру греко-римского мира, а все остальные – варвары. И мир за пределами Византии – варварский.

Хеландия, маневрируя среди множества судов, вошла в воды залива Золотой Рог, где покачивался целый лес корабельных мачт. Едва судно причалило, Ипатий прочитал благодарственную молитву и они по сходням сошли на пристань в гавани Неорий. Здесь Ипатий нанял крытые носилки и их понесли по мощенным улицам столицы мира.

Дом патрикия Ипатия Малеила располагался в районе Эстратигона и представлял собой небольшой, но элегантный особняк на тихой улочке за небольшой церковью Святой Анны. Бок о бок с ним возвышался дом ювелира, грека Макриана, имевшего клиентов даже в самом Палатии. При встрече Ипатий только слегка кивнул соседу, а вот Светорада была более любезна, с супругой ювелира Палладией даже обнялась, а потом пригласила их в гости на ужин.

– Ты чересчур с ними любезна, – заметил Ипатий, когда они вошли в ворота особняка.

Светорада ничего не ответила. Она уже знала, что византийцы предпочитают вести замкнутый образ жизни, однако у нее на Руси считалось, что добрый сосед зачастую важнее дальнего родича. Да и нравились ей Макриан и его супруга, у которых всегда можно было узнать свежие новости, поболтать о всяком, сходить с Палладией на рынок или в церковь, когда Ипатия задерживали дела при дворе, а она вынуждена была день-деньской проводить время за вышиванием, уединенно и скучно.

Городской дом Ипатия был построен, как принято у ромеев, с учетом того, чтобы огрaдить внутреннюю жизнь его обитателей от внешнего мира. Тылной стороной он выходил на улицу, а вся его жизнь была внутри, во внутреннем дворе, куда выводили окна покоев, и где был небольшой бассейн с бьющей струей фонтана, дававшего в жаркие дни приятную прохладу. Вход в дом был под портиком, который поддерживали колонны, по которым вились побеги роз с нежно-розовыми бутонами.

⁴² Различные виды византийских кораблей.

⁴³ Китай.

Когда Ипатий только обустроивался тут, он во всем старался угодить вкусам своей княжны, стремился, чтобы все соответствовало ее желаниям, и теперь Светорада весело переходила из комнаты в комнату и бойко отдавала распоряжения: расчехлить мебель, проветрить комнаты, снять ставни с больших окон триклинии. Она любовалась облицованными ониксом мраморными полами, шелковистыми портьерами, занавешивавшими полукруглые переходы из покоя в покой, удобными сиденьями на изогнутых когтистых лапах, расставленными по всему дому.

Светорада сбросила накидку и свой дорожный тюрбан, ее уложенные в греческую прическу волосы чуть растрепались, и теперь изящные завитки красиво обрамляли нежное личико. Княжна тут же распорядилась и насчет ужина. Конечно, Ипатий предпочел бы в первый вечер отдохнуть с дороги, но раз уж Светорада решила принять гостей... Впрочем, патрикий привык потакать ее прихотям.

Вечером они с гостями расположились в триклинии, вкушали яства при свете ламп в виде стеклянных шаров. Макриан, пухлый, важный, отпустивший в подражание императору бороду, рассказывал, что, по его мнению, брак Зои Карбонопсины и Льва все же состоится, так как он получил заказ из Палатия: сделать для матери наследника роскошную диадему из перегородчатой эмали и темных рубинов – не иначе как к коронации. Да и в городе сейчас полным-полно латинских священников, кои привезли разрешение Папы Римского на брак императора. Говорят, будто патриарх Николай в гневе оттого, что император принимает их с великой милостью.

Обсуждая с Макрианом этот четвертый брак Льва, Ипатий заметил, если это бракосочетание состоится, то очень надеется и сам получить дозволение на развод. Пока они обсуждали тонкости законов о бракоразводном процессе, супруга ювелира поведала милой Ксантии, что супруга проэдра Анимаиса (одна из клиенток Макриана), несколько дней назад тоже вернувшаяся в Константинополь, и при дворе во всеуслышание расхваливала некий чудесный суп, каким ее угощали в имении Оливий. Анимаиса уверяла, что разгадала его рецепт и может дать наставления поварам имперской кухни. Это позабавило Светораду, но тут Палладия неожиданно заговорила о Варде:

– Варда был тут, я видела его подле вашего особняка несколько дней назад. Преданный Ипатию привратник не пустил его, ссылаясь на указания хозяина, но мы с дочерьми глаз не могли оторвать от него. Он был так хорош в своей лорике⁴⁴ стратилата! Его шлем был украшен камнями лучшей огранки – уж я, как жена ювелира, смогла это оценить, – и плюмажем из белоснежных страусовых перьев.

– Опиши мне Варду! – вдруг попросила Светорада.

Палладия недоуменно посмотрела на княжну: разве она только что не сделала это? И повторила, что Варда очень хорош собой. Ну глаз не отвести!

Светораде стало тревожно. Не хватало еще, чтобы именно Варда оказался ее безрассудной морской любовью! Как бы ни любил свою княжну Ипатий, он не простил бы ей связи с собственным сыном. Патрикий вообще не простит ей измены – он так и сказал однажды, когда почувствовал, что силы его убывают и ему не всегда удастся удовлетворить жадную до ласк Светораду.

– Если ты изменишь мне, между нами все будет кончено!

Да, этот добрый и внимательный человек придерживался суровых правил, когда дело касалось супружеской верности. Светорада понимала, что, женившись на ней, Ипатий даст ей полную гарантию покоя и обеспеченности. Но если... Некогда Светораде довелось хлебнуть горя в нужде, и она боялась чего-то подобного даже больше, чем смерти. Ибо незащищенность

⁴⁴ Лорика – короткий кольчужный доспех воина, кольчуга.

делала ее никем. Иностранка на чужбине, в стране, где на падшую женщину смотрят с презрением...

Эти мысли не оставляли Светораду, и, когда гости уже ушли, а она, переодевшись ко сну, вошла в примыкавшую к спальне молельню. Опустившись перед иконами на колени, княжна попросила строгую Матерь христианского Бога смилостивиться над ней и сделать так, чтобы ее морское прегрешение кануло в прошлое.

Когда княжна, осенив себя уже ставшим привычным крестным знамением, встала с колен и вернулась в спальню, она увидела, что Ипатий сидит на краю ее ложа в светлой домашней хламиде. Светорада откинула легкую ткань постельного полога и, грациозно опустившись, легла поперек широкой кровати. Какое-то время она слушала рассуждения Ипатия о том, как повлияет на их положение вмешательство папских легатов в брачные дела в Византии, как лично он сам постарается встретиться с кем-нибудь из них и попросит освободить его от уже давно недействительного брака с прокаженной Хионией.

Однако постепенно речь Ипатия стала замедляться, он делал все более долгие паузы и при этом не сводил взора с возлежавшей перед ним княжны. Она была его женщиной и он мог позволить себе любоваться небрежной грацией ее расслабленной позы, когда она слушала его, подперев рукой голову. Растрепанные золотые кудри обрамляли нежное лицо, пышной массой ниспадая на светлый шелк простыней, а легкие складки ночной сорочки соблазнительно обтягивали бедро, подчеркивая его крутой переход в удивительно тонкую талию, и не скрывали линии длинных стройных ножек. Ну а босые ступни с крохотными пальчиками, высоким подъемом и изящной щиколоткой и вовсе не были прикрыты тканью... У Ипатия пересохло в горле, кровь застучала в висках, и он, разволновавшись, стал торопливо расстегивать застежку хламиды на плече.

Светорада с готовностью обняла его, ощутив под пальцами сухую, вяловатую кожу. Да, Ипатий был не молод, но все равно оставался нежным и чутким любовником. Он никогда не спешил, сосредотачиваясь на легких, почти невесомых ласках. Его пальцы и губы, знавшие каждый изгиб этого нежного тела, умели возбудить в ней потаенную чувственность. Любить ее... Не скромницу, не суровую строптивницу, а покорную, чуткую женщину, возле которой он чувствовал себя полным сил мужчиной...

Светорада откидывалась, позволяя ему делать с собой все, что угодно. Ипатий получал удовольствие от ее чувственности, знал, что ей нужно в данный момент, и не оставлял ее в покое, лаская ее там, где ей нравилось, пока ее ноги и грудь не охватила дрожь, пока громкий крик не оповестил, что он довел ее до высшей точки блаженства. И только тогда Ипатий быстро лег на нее, двинулся раз, другой...

Светорада уже свыклась с тем, что для себя он оставляет самую малость. Потом Ипатий скатился с нее, дышал тяжело и глубоко. Она покорно склонила голову на плечо любовника, слушала, как затихают удары его сердца... И почувствовала внезапно нахлынувшую грусть. Увы, Ипатию уже за пятьдесят, и, вопреки всем ваннам и душистым мазям, запах старости становился все сильнее. В этой почти супружеской постели Светораду все чаще посещало единственное желание: увидеть рядом не этого мужчину, а гибкое молодое тело... ее Тритона, который так взволновал ее душу, ее естество. Грех, как говорят христиане? Но каким сладким был этот грех!..

Утром, когда Светорада проснулась, Ипатия уже не было рядом. Она долго лежала в постели, подремывая и вслушиваясь в долетавший извне гул большого города. Мысли были ленивыми, спешить никуда не надо было. Даже просьба Ипатия, чтобы его милая Ксантия сходила в порт Феодосия и узнала, не прибыл ли его херсонесский корабль с кожами, не была срочным делом. И вообще жизнь Светорады в Столице мира, некогда так поразившей и восхитившей смоленскую княжну, была неторопливой и даже скучной. Но лишенной проблем и

бед. Можно жить. Вот только Светорада не могла понять, отчего ее то и дело посещает эта непонятная давящая тоска...

Когда Светорада, с кое-как заколотыми волосами, в легком льняном хитоне, спустилась в триклиний, Дорофея сообщила, что госпожу дожидается учитель музыки. Светорада только пожала плечами. Пусть ждет. Ей принесли завтрак: оливки, вареное яйцо, огурцы с зеленью в сметане. Рядом стоял кубок с легким разбавленным вином. Отпив из него, Светорада долго и внимательно рассматривала кубок. Он был украшен цветной эмалью, его ручки были в виде голубиных крыльев, а по ободу шла богатая чеканка: львы пробираются сквозь заросли тростника. Только византийцы умели делать столь изысканные и красивые вещи. Но и стоили они недешево. Однако Ипатию для его княжны ничего не жаль, да и средства у него на это имелись: он получал весьма неплохую ругу за службу, владел сдаваемыми в аренду многоквартирными домами в квартале Пульхерианы у Золотого Рога, а еще приторговывал, хотя и тайно: не спешил показывать, что все еще получает товары из Херсонеса и не платил налоги в казну.

Учитель музыки, юноша по имени Авип, терпеливо ждал госпожу, пока та соизволит выйти к нему. Он был беден и тайно влюблен в свою ученицу. Светораду несколько веселила его скромная влюбленность. Разговоры с ним она начинала игриво: то похвалит его новую тунуку, то спросит, не нашел ли он наконец себе невесту, а то и попросту взлохматит его кудрявые волосы. Миленький мальчик, хотя и несколько длинноносый, что, впрочем, не слыло у ромеев признаком некрасивости.

Длинноносый Авип настроил для прелестной госпожи Ксантии кифару, хотя и вздрогнул, когда, поясняя урок, его пальцы коснулись пальчиков Светорады. Он начал заикаться, смущенный то ли веселыми взглядами Ксантии, то ли строгой, осуждающе молчавшей Дорофеей, но постепенно занятие вошло в нужное русло. Светорада хотела повторить прошлые уроки и, взяв в руки инструмент, почти час не выпускала его, сперва слушая советы Авипа, а затем пытаясь наигрывать что-то свое. Они долго перебирали струны, пока Дорофея не сообщила, что госпожу дожидается в прихожей учитель чтения.

За годы жизни в Византии русская княжна научилась и этой премудрости. И хотя учитель чтения был не так мил, как Авип – абсолютно лысый с вечным выражением уныния на лице (Дорофея даже подремывала под его монотонный голос), – Светорада занималась охотно.

– Сегодня мы почитаем про прекрасную Елену, – раскрывая дорогую книгу в тисненном переплете, сказал учитель и протянул ей стило, чтобы водить по строкам. Он был уверен, что его ученице будет так легче читать. Близорукий, он судил по себе, но Светорада уже довольно бегло читала:

*Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!
Но и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»*

И тут старый учитель, сидевший с прикрытыми глазами, вдруг встрепенулся и посмотрел на княжну в немом восхищении.

– Как это верно: «...Истинно, вечным богиням она красотою подобна!»

На его лице появилось некое умильное выражение. Но тут же всполошилась Дорофея, заявив, что учитель – старый греховодник. Опешивший мужчина стал спешно собираться, а Светораду душил смех. Но когда учитель ушел, а Дорофея стала выговаривать госпоже за беспечность, дескать то и дело хихикает, а достопочтенные матроны так себя не ведут, Светорада

холодно и резко оборвала ее. Бывали такие минуты, когда она могла поставить наставницу на место с такой величавостью, что Дорофея даже пугалась. Правда княжна вскоре сменяла гнев на милость и могла даже приобнять наставницу, что всегда и смущало, и умиляло немолодую женщину.

После занятий Светорада вызвала управляющего и потребовала отчет о тратах. В лице Светорады Ипатий, безусловно, приобрел прекрасную хозяйку, на которую всегда мог положиться, а управляющий его городским домом просто робел перед госпожой. Казалось бы еще не забыл, когда ее привезли в Столицу мира, еще полудикую иноземку, а вот же уже всем тут заправляет. И самое обидное, что не обманешь ее – она все видит сразу, так что нагреть руки ни на прокорме слуг, ни на положенной плате за уборку территории вокруг дома было невозможно. Однажды Светорада уличила управляющего в промахе, спокойно указав на допущенную оплошность, и добавила, не меняя интонации, что если подобное повторится, то ему придется искать себе иное место, да еще и без рекомендаций.

Зато домашние слуги княжну любили. Как и во многих цареградских домах, здесь было поровну свободных ромеев и купленных на рынках рабов – всего около полутора десятка человек. Они охраняли дом, следили за порядком, содержали конюшню и работали в кухне, чинили, ткали, стряпали. И при этом жили некоей замкнутой общиной, куда неохотно пускали чужаков.

Просмотрев счета, Светорада стала обсуждать, что приготовить на ужин. Она любила фантазировать на кулинарные темы, и в этот раз ей пришла охота приготовить новый соус из молока, яичных желтков, сахара, соли и петрушки с добавлением корицы, имбиря и... О, неужели в доме совсем нет шафрана? Нет, не следует никого посылать, и Светорада жестом остановила уже кинувшегося к выходу толстого управляющего. Ей самой захотелось пройтись по городу за покупками.

Это было важное дело – выход в город. Жителям Константинополя всегда полагалось выставлять себя с лучшей стороны, подчеркивая свое превосходство как друг перед другом, так и перед многочисленными приезжими. Поэтому Дорофея буквально извелась, выбирая, во что облачить госпожу. В итоге они сшили, что госпожа Ксантия оденет длинную столу из бледно-желтого шелка с затканым птицами подолом, поверх которой накинёт легкий гиматий⁴⁵ шафранового цвета, один конец которого полагалось набрасывать на голову, как покрывало, а удерживать его будет позолоченный обруч с янтарными вставками надо лбом. Ну и украшения. Без них ромейские матроны не выходили даже в баню. Поэтому Светорада надела на шею плотное янтарное ожерелье, некогда приобретенное в Херсонесе, а в уши вдела золотые серьги в виде крестов на подвесках. И наконец, обулась в узкие башмачки на мягкой подошве с вышитыми на носках золотистыми завитками.

Во дворе управляющей уже распорядился приготовить носилки, но в этот ясный день госпожа Ксантия изъявила желание пройтись пешком. С благонравной Дорофеей, верным Силой и парой служанок, чтобы нести корзины, если хозяйка пожелает что-то купить.

К Константинополю никогда нельзя было привыкнуть, настолько он был оживленным, постоянно меняющимся, людным и впечатляющим. Воистину ромеям было чем гордиться: огромные площади, украшенные позолоченными изваяниями на высоких столбах, триумфальные арки с бронзовыми квадригами наверху, широкие улицы, мощенные мрамором и мозаикой. А как украшают Столицу миру эти портики общественных зданий и богатых мастерских, а аркады тенистых переходов и дивные колоннады вдоль улиц!

Дома жителей были всегда многоэтажными со светлыми, пастельных тонов фасадами, но почти все с обязательной кирпичной полосой, проложенной между тесанным камнем. Как пояснили русской княжне, это не просто для красоты, сколько для прочности. А почему так,

⁴⁵ Гиматий – плащ, широкий или узкий, драпирующийся, носимый наискосок и застегивавшийся под правой рукой. Его носили как мужчины, так и женщины; женщины часто накидывали край гиматия на голову, как покрывало.

не пояснили. А еще в Константинополе было немало рынков, но и их окружали колоннады и величественные статуи.

Светорада вышла на широко раскинувшийся между строений знаменитый форум Константина. Эта площадь, имела овальную форму, на самом видном ее месте возвышалась восьмиугольная базилика церкви Богородицы, вокруг которой шла оживленная торговля свечников, продавцов ладана, благовоний и пряных специй. Здесь Светорада приобрела желаемые пряности, потом задержалась в лавке свечника и купила у него высокие витые свечи белого и розового цвета, которые служанка положила в корзину. Под соседним портиком княжна купила немного благовоний у арабского купца, причем пришлось поторговаться – не столько от жадности, сколько по обычаю: арабские торговцы почти всегда завышали цену, и сбивать ее считалось едва ли не обрядом.

В этой торговой кипучей толчее так и тянуло что-нибудь купить для собственного удовольствия. Поэтому Светорада не удержалась, чтобы не войти в лавку меховщика, взглянула на связки темно-золотистого соболя и куницы, огладила пушистый лисий мех. Купец всячески обхаживал нарядную покупательницу:

– Сейчас хоть и жарко, красавица, но за теплом всегда грядет холод, а цены ныне, после того как купцы-русы навезли столько отменного товара, самые умеренные. Но когда русы уедут, цены обязательно поднимутся. И произойдет это весьма скоро, учитывая нелады русских торговцев с нашим эпархом⁴⁶. Так что не скупись.

Светорада почти не слушала его, поигрывая шелковистой шкуркой соболя. Меха из Руси всегда высоко ценились в Царьграде. А летом тут и впрямь можно было встретить приплывших из ее далекой родины торговцев. Это всегда волновало молодую женщину. Встретить своих, узнать вести с Руси... просто заговорить на родном языке... Светорада почувствовала, как заняло в душе. Молча вышла, не дослушав, что говорил торговец о ссоре русов с градоначальником.

Едва она прошла мимо гигантской бронзовой статуи языческой Геры, стоявшей на выходе с форума, как к ней привязался нахальный юродивый.

– Дай обол⁴⁷, девка, тогда я замолю твой грех! – не то канючил, не то требовал он. – Блуд-то морской волной не смоешь, его отмолить надо.

Светорада хотела обойти убогого, но он прыгал рядом, скалился гнилыми зубами, да и воняло от него ужасно. К полоумным и на Руси относились с брезгливым безразличием, а если надоедали, то и прибить могли, считая все едино ненужными ни для чего. В Константинополе же их жалели и даже почитали, прикармливали, а те порой они вели себя просто вызывающе. Однако обидеть такого наглеца считалось непозволительным, их терпели, к их разглагольствованиям прислушивались. Вот и Светорада замерла, слушая, как этот грязный бродяга твердит ей о блюде и морской волне... Ей стало не по себе.

– Сила, подай ему.

Сила лишь буркнул что-то, но подчинился. Нищий же при виде монеты довольно засмеялся:

– Так-так, добрым и Бог помогает. Вот только каждому надо помнить о Всевышнем. Ведь он единственный знает о всех тайных грехах.

Сила даже сплюнул от досады, оттого, что ему не разрешили наказать этого вонючего наглеца, а Светорада быстро поспешила прочь, в сторону Месы.

Меса была главной и самой роскошной улицей Константинополя. Прямая и широкая, полная народа, она простиралась среди храмов и дворцов с востока на запад, от площади Августа, через форумы Константина и Феодосия и дальше разветвлялась на два одинаковых

---

⁴⁶ Эпарх – градоначальник в Константинополе.

⁴⁷ Обол – мелкая медная монета.

бульвара, один из которых вел к парадным Золотым воротам, а другой – на север, к воротам Харисия. И вдоль всей Месы стройными рядами высились колоннады и прекрасные, украшенные барельефами здания, то и дело били струи фонтанов и гуляла нарядная толпа. В этот знойный августовский день горожане Царьграда не сидели дома – они прохаживались под крытыми галереями или собирались у храмов, сидели на каменных ступенях или под навесами, где можно было выпить бокал вина, обменяться новостями с друзьями, поглазеть на прохожих. Порой мимо проезжали всадники в роскошных одеждах, шли отряды стражей веститоров в блестящих доспехах, сильные рабы несли носилки, в которых с важным видом возлежали или сидели, словно изваяния, знатные патрикии.

Впереди на Месе произошло некое столпотворение: трое носилок загородили центральный проход: носильщики знатного сановника, державшего у груди лохматую собачку в бирюзовом ошейнике, стремились пройти первыми, а рядом, чуть ли не сталкиваясь с ними, протискивались с позолоченными паланкинами рабы, которые несли двух матрон, переговаривавшихся на ходу и нимало не заботившихся о том, что их ощутимо потряхивает, а слуги едва не лягают друг друга.

Светорада заметила Дорофее:

– Вот, а ты пеняла мне, что я хожу пешком, вместо того чтобы возлежать на носилках. Милая Дорофея, когда вы, ромеи, поймете, что все решают наша воля, а не принятые традиции?

– Все надо делать как должно! – строго и назидательно подняла палец наставница.

Но Светорада только смеялась:

– Ну не знаю, что там должно, но ведь все поговаривают, что сам император Лев порой любит переодетым побродить по своей столице. Разве его подданные не должны равняться на повелителя?

Дорофея предпочла промолчать. Что ж, Лев Философ был мудрым правителем, хотя и со своими странностями. Всему городу известен случай, когда божественный базилевс, вот так, прогуливаясь переодетым по улицам, задержался допоздна и ночные обходчики, приняв его за бродягу, отправили светлейшую особу под надзор в одну из тюрем. Правда, там скоро разобрались, кто им попался, и базилевса освободили со всевозможными извинениями. И все же подобная причуда правителя показалась забавной, и многие знатные особы стали так же гулять пешком по столице. Но мало ли какие прихоти у власть имущих? Дорофея этого никогда не поймет.

Они прошли мимо огромных арок акведука Валента, питавшего Константинополь свежей водой с гор. Благодаря водоснабжению в столице было много фонтанов, вода поступала в дома по трубам и обеспечивала работу канализации. Правда, канализационные отверстия были не везде: когда женщины приблизились к портовому кварталу у Золотого Рога, им пришлось переступить через кучи мусора, дома здесь не походили на дворцы, да и обитатели – портовые рабочие, грузчики, проститутки, моряки – выглядели далеко не презентабельно. Но у самого порта стояли мощные стены, защищавшие столицу, на башнях несли службу военные в блестящих шлемах, а большая гавань залива была запружена судами, мачты которых напоминали густой лес. Здесь, как всегда, царила не прекращавшаяся во время судоходства суета.

Светорада быстро определила, где находится прибывший из Херсонеса корабль, даже понаблюдала за его разгрузкой. Дорофее не нравилось в порту, ей претили дерзкие взгляды и шутки моряков. Вскоре она стала просить Светораду уйти отсюда, ныла, что уже проголодалась. Чтобы успокоить наставницу, княжна дала знак Силе, и тот купил для нее жареных каштанов, которые готовили тут на противнях монахи из соседней обители. Их поливали медом или оливковым маслом, как было принято в Константинополе, однако древлянин Сила не представлял себе, как можно есть такую гадость.

– Вот если бы конопляным маслицем умастить душистую краюху хлеба, – мечтательно произнес он, – а еще чуток присолить, да с лучком зеленым. Мммм... – Он даже прикрыл от удовольствия глаза.

Светорада тут же подхватила его мысль: мол, а если хлеб такой пышный и душистый, как на Руси пекут, да с трещинками на корочке, а не как эти плоские пресные лепешки, какие тут продают, то... Они поговорили по-славянски, как на Днепре говорят, затем понимающе переглянулись и кивнули друг другу – госпожа и ее охранник-раб. Оба поняли, что думают об одном и том же.

Светорада повернулась к Дорофее и сказала, что отпускает служанок с покупками домой, а они с Силой наймут в порту лодку и отправятся за городскую стену, в предместье Святого Маманта, где обычно селились прибывшие из Руси гости. Однако Дорофея неожиданно встрепенулась и тоже выразила желание отправиться с ними.

– За корчмарем Фокой соскучилась, не иначе, – хитро подмигнул госпоже Сила.

Светорада улыбнулась, видя, как просияло смуглое личико ее солидной наставницы. Этот русский Фока, содержащий довольно приличную корчму в предместье Святого Маманта, давно жил в Константинополе. Но и считая себя уже ромеем, он не порывал связей с земляками. Свое славянское имя он давно забыл, и для всех был просто Фока из предместья. Корчмарь умел ладить со всяким, а строгую Дорофею обхаживал в столь игриво-веселой манере, что почтенная матрона, кажется, немного влюбилась в него. Она никогда не пеняла госпоже, если у той вдруг возникало желание отправиться в предместье, где селились русы. А такое бывало не единожды. Светораду, привыкшую к роскошной жизни, вдруг обуревала тоска по своим, начинали мучить воспоминания о прошлой жизни, о ее прекрасной былой любви... Тогда ей хотелось услышать славянскую речь, побывать среди русов, наконец, просто отведать стряпню русской кухни, какую специально готовили в корчме у Фоки для прибывавших с Руси.

Небольшое парусное суденышко быстро довезло троих пассажиров до предместья за огибающую город с суши стену Феодосия⁴⁸. Отсюда дорога вела мимо Влахернского дворца в сторону монастыря Святого Маманта Кесарийского. Так же называлось и все предместье – в честь святого. Здесь можно было услышать славянскую речь, увидеть светлородых витязей, и Светораде по мере приближения к предместью даже казалось, что она уже ощущает запах свежеспеченного ржаного хлеба. Они пошли по предместью, которое русские торговые гости ласково называли «У мамы».

---

⁴⁸ Стена Феодосия – большая каменная стена, ограждавшая Константинополь со стороны суши. Она была возведена при императоре Феодосии II (408–450) в V веке.

Глава 4

– Я хочу хлеба, Фока! – сказала Светорада, усаживаясь за столик во внутреннем дворе корчмы. – Понимаешь, нашего русского хлеба. А еще я хочу темного пенного квасу!

Княжна огляделась: по периметру внутреннего двора стояли выбеленные строения, а вдоль них – деревянные галереи на подпорах с уводящими на второй этаж лестницами, откуда видны двери в комнаты для постояльцев. Корчма Фоки не простое питейное заведение, а эргастирий – так называли в Константинополе гостиницы. Но главное все же – это дворик, куда можно зайти любому, чтобы выпить, перекусить, поделиться новостями. Благодаря тому, что дворик укрыт навесом из густо переплетенной лозы, здесь и в жару прохладно и довольно уютно. Премилая корчма. Или, по-ромейски, эргастирий.

Корчмарь Фока, самолично вытер перед посетительницей столешницу. Был он крепенький, с короткой по-ромейски, подрезанной челкой, но с широкой белокурой бородой, как у русов. В лице его было нечто хитроватое, а уж как лукаво он подмигнул зардевшейся Дорофее!.. И при этом скороговоркой обратился к Светораде:

– Как же, как же, самая свежая выпечка, ароматная, тепленькая еще. А от кваса из погребов аж зубы ломит. Если пожелаете, есть еще вареники с творогом и сметаной, которые ну так и просятся в рот.

Но это уже к Силе, который просто сопел от удовольствия, предвкушая, что ему дадут эти «уши», как он называл любимое на Днепре славянское блюдо.

– А вам, может, еще и кашу с молоком подать? – тут же справился у Светорады корчмарь. – Гречневую, рассыпчатую, с маслом и медом.

Опытный корчмарь Фока понимал, кто из этой троицы главный и кому прежде всего следует угодить. Он знал в городе нескольких славянских красавиц, весьма неплохо устроившихся под благословенным небом Константинополя. Ведь иную русскую деву могли и в цепях привезти, чтобы выставить на рынке рабов, а потом, глядишь, она уже в шелках разгуливает. Славянские красавицы тут ценились, к ним относились, как к достойной драгоценности, и девы начинали важничать. И все равно то одна, то иная зайдет в предместье Святого Маманта в корчму Фоки. Некоторые выспрашивали новости у русских торговых гостей, другие пытались весточку отправить, но чаще просто приходили отведать привычной стряпни да перемолвиться словечком на родном языке. Иные даже сами начинали делиться своей историей – кто с грустью, а кто и похваляясь. Но только не эта красавица Янтарная. Фока давно выведал, под чьим покровительством живет эта молодка в Царьграде, но сама она ничего не рассказывала о себе. А он и не докучал. Расплачиваются с ним щедро – большего и не надо!

Когда мальчик-слуга поставил перед княжной миску с горячей кашей, она только ахнула. Гречневая! Как же давно она ее не едала! Вкуснотища да и только!

Через время Светорада отметила, что Фока не подсел к ним за столик, как обычно, не попытался завести беседу, шутиливо затрагивая Дорофею, а тут же поспешил к сидевшим в стороне русам, да и сам выглядел каким-то озабоченным. Даже на нежные улыбки Дорофеи не реагировал. Наставница вскоре обижено засопела, сидела, размешивая в миске кашу с молоком. Отчего-то молоко не считалось у ромеев лакомством. Молоко – это продукт для изготовления масла и сыра, а то и для дорогих косметических средств, а вот сам продукт в чистом виде в Царьграде не больно жаловали. Пища для бедняков говорили.

Фока по-прежнему то выходил куда-то, то поднимался на второй этаж или опять спускался во двор корчмы, но общался только с группой гостей-купцов, которые сидели за длинным столом под одной из лестниц и о чем-то негромко переговаривались.

Светорада присмотрелась к этим русам. Они выглядели как обычные гости с Руси – бородатые, в вышитых узорами-оберегами рубахах. С ними были и варяги, каких часто нанимали

для охраны русских торговцев в дороге. А еще Светорада обратила внимание, что среди приезжих сидела баба, вернее девка, но не из тех разбитных служанок, к чьим услугам за плату порой прибегали приезжие, а вполне достойная девица, даже красивая: высокая, большеглазая, румяная, с длинной русой косой на плече. Славянка по виду, да и ее светлая рубаха с вышивкой на предплечьях тоже была не местного кроя, как и темная запашная юбка на бедрах. Привлекательная особа, может, только на придиричивый вкус Светорады крупновата. Подле нее сидел варяг, лицо которого показалось Светораде знакомым. Как же, видела его и ранее в эргастии Фоки, когда сюда прибывали торговцы с Руси. Да и не признать такого было трудно: рослый, как все скандинавы, с медно-рыжими косами вдоль лица и длинными усами. Одет богато, хотя весь его облик, как и меч у бедра, свидетельствовал, что это воин, а не принарядившийся в византийские одежды щеголь. Светорада даже вспомнила, что его зовут Фарлаф и что он любит погулять, пошуметь, но впервые видела его таким сосредоточенным и мрачным. Сейчас вокруг Фарлафа собрались почти все славянские постояльцы Фоки, о чем-то толковали с ним, но он больше отмалчивался, при этом крепко обнимая за плечи свою грустную подругу-славянку.

Вообще-то, Светорада привыкла, что с ее приходом в корчму Фоки постояльцы больше внимания уделяют ей, смотрят восхищенно, порой стремятся пообщаться. Однако сегодня этим купцам было явно не до нее. Вон даже Фоку втянули в свои дела, и он, что-то поясняя им, даже кулаком себя по лбу постучал, будто дивясь их непонятливости. Светорада услышала, как Фока произнес в разговоре имя цареградского епарха – Юстина Маны. Мана, прозвище епарха, означало «рука», а среди торговцев скорее «лапа». Уж больно любил этот чиновник, чтобы несли ему подачки, взятки брал совсем бессовестно.

– Не припомните ли, – обратилась Светорада к своим спутникам, – что говорил нам меховщик на форуме Константина о неладах русов с епархом?

Сила сразу понял, что от него требуется вызнать для госпожи новости. Поднялся, вытирая сметану с усов, с сожалением взглянул на опустевшую миску и покорно пошел к собравшимся, подсел, стал слушать. На него сперва косились неприветливо, но, узнав в нем славянина, успокоились. Один сухонький мужичонка, задиристо вскидывая куцую бороденку, даже тербил Силу за рукав, что-то доказывал ему. А там и Фока присоединился к русу, а потом, глянув в сторону, где сидела Светорада, что-то шепнул собравшимся, и все усталились на нее.

Дорофея заерзала на месте.

– Хотя я и нахожу Фоку вполне достойным человеком, но эти варвары, с которыми он водит дружбу... Просто оторопь берет. А еще вы заметили, милая Ксантия, сколько вооруженных людей нынче в предместье Святого Маманта?

Надо же, Дорофея и та углядела, а Светорада все грезит. А о чем? О Тритоне пригожем, а может, как всегда, когда бывала здесь, вспомнила своего первого мужа Стемку Стрелка – Стемида, Стему, Стемушку... Он ведь когда-то мечтал поплыть с варягами в дальние пределы. Но не сложилось. Погиб от хазарской стрелы⁴⁹.

Светорада вздохнула. Воспоминания о Стеме всегда отзывались в ее душе пронзительной болью. Но тут она отвлеклась, заметив, как Сила вместе с корчмарем Фокой направились в ее сторону.

– Фока знает, что ты живешь с патрикием Ипатием, – подсаживаясь, молвил Сила. – Ипатий-то при дворе вращается, так, может, он и подсобит тут маленько, если ты его попросишь...

Ох, как же не любила Светорада вмешиваться в служебные дела Ипатия! Да к тому же не все гладко у него при дворе, недаром Зенон волновался. Но, разумеется, она ничего не стала говорить, просто выдержала паузу, не сводя с них глаз. Молчать она научилась красноречиво. И Фока, поерзав на месте, стал объяснять княжне, в чем, собственно, дело.

⁴⁹ Об этих событиях рассказывается в романе «Светорада Медовая».

Начал он издалека. Рассказал про торговых гостей с Руси, среди которых были купцы из Чернигова, Киева, далекого Новгорода. Охранников они обычно набирали из варягов, которые славились и как умельцы водить корабли, и как отважные воины. Вот рыжий ярл⁵⁰ Фарлаф и был нанят охранником в нынешнем караване торговых гостей. Богатый привел караван, много чего русы привезли в столицу мира: меха, воск, мед, янтарь и моржовую кость. Рабов тоже привезли. Все это был хороший товар, да и в пути все сложилось удачно: пока плыли сюда, как это обычно бывает, тоже промышляли – где охотой, а где и набегом. У истоков Днепра они совершили наскок на град тиверцев⁵¹ и много пленников взяли, присоединив их к своему живому товару.

Вот среди тиверских пленников и оказалась эта девка Голуба. Ее Фарлаф добыл и, как полагается, рассчитывал за такую красу немало серебра получить в Царьграде. Только уж больно строптивая оказалась пленница, и по пути Фарлаф принялся умирять ее... И доусмиряться так, что по прибытии в Царьград сам околдованным оказался, просто голову от своей Голубы потерял. Но все же выставил полонянку на невольничьем рынке. Хотя цену за нее такую заломил, что ромеи хоть и присматривались к красивой тиверке, но купить никто не решился. Фарлаф же запил сильно. Почитай, больше двух недель пил, пьяный ругался со всеми, а то и в драку лез, даже связывать его приходилось. А как потом проспался да узнал, что его Голубу еще не купили, так и кинулся на рынок, забрал ее.

Но тут сам глава русских купцов, киевский боярин Фост, стал уговаривать Фарлафа вернуть девушку на торги. Этот Фост, тоже не единожды бывавший в Царьграде, знал, что по обычаю местный градоначальник Юстин Мана отбирает себе часть дани товаром. На этот раз Юстин указал в числе прочего на красивую рабыню Фарлафа. Ее уже и собирать стали, когда Фарлаф вдруг опомнился и забрал любимую. Эпарху за нее предложили другой подходящий дар. И вот тут нашла коса на камень: заносчивый Юстин вдруг разобиделся и начал делать гадости купцам с Руси.

Какие это могли быть гадости, Светорада могла понять. Власть эпарха в Константинополе огромна и все законы на его стороне. По предписанным указаниям прибывшие купцы, имущество которых старательно описывалось нотариями эпарха, должны были распродать весь товар на рынках столицы в положенный срок, заранее оговоренный. Но больше этого срока купцам оставаться в Царьграде не разрешалось – в противном случае им грозила конфискация оставшихся товаров и бесцеремонная высылка. И так уж постарался сделать Юстин, что русы, несмотря на заинтересованность местных торговцев, мало что успели продать из привезенного. То их на торги не пускали неделями, то такой налог с продажи вводили, что торговля превращалась в сплошное разорение. Вот и вышло, что поход их получился убыточным. Срок уже истекал, но задержаться в Константинополе русы не имели права, поскольку нераспроданный товар у них могли конфисковать.

– Сегодня глава купцов Фост со своим сыном Мстиславом и толмачом Рулавом отправились на прием к эпарху в надежде умиловать его и позволить побыть еще какое-то время сверх положенного. Ну и девку ему обещают отдать, хотя Фарлаф и клянется, что не откажется от милой. Но его, почитай, уже уговорили, – рассказывал Фока. – Однако теперь, даже если Фарлаф и отдаст свою любушку, еще неизвестно, чем завершатся переговоры с Юстином Маной. Другое дело, если бы кто повыше повлиял на эпарха, а? – Фока хитро прищурился и посмотрел на Светораду.

Княжна задумчиво теребила сережку с подвеской-крестиком. Почти кокетливое движение, если бы не серьезность того, что она говорила. А говорила она, что ее Ипатий вряд ли сможет сейчас помочь русам. И не потому, что патрикий не обладал достаточным влиянием,

⁵⁰ Ярл – предводитель воинской дружины у варягов.

⁵¹ Тиверцы – южнославянское племя, обитавшее между Южным Бугом и Днестром.

просто в городские дела эпарха даже базилевс не считает нужным вмешиваться. Эпарх почти неприкасаем, с него и взятки гладки. Но с другой стороны, Византия заинтересована в хороших отношениях с прибывающими купцами, и в Царьграде их обычно доброжелательно встречают, поскольку от них в известной степени зависят выгоды, получаемые казной и немалым числом жителей столицы. Другое дело, что русы не считались в Византии цивилизованным народом, скорее варварами. И все же меха и янтарь сюда привозили именно они, да и светлокожие славянские рабы тут всегда в цене. Поэтому Светорада пообещала замолвить своему покровителю слово, так как у того брат служит препозитом в Палатии. Но возможно, для этого им придется дать препозиту Зенону хорошую взятку, чтобы он сообщил базилевсу о самоуправстве Юстина Маны.

Поговорив с собравшимися вокруг нее русами (даже заплаканная Голуба подошла со своим Фарлафом и слушала), княжна была несколько обескуражена, когда узнала, что все это надо сделать за каких-то пару дней! Вот это да! А ведь Светорада даже не была уверена, что Ипатий к этому времени вернется домой со службы из Священного Палатия.

Неожиданно их беседа была прервана шумом и криками. Во дворик эргастерия вбежали взволнованные русы.

– Наших бьют! Уже и кровушку пустили!

Ух, как же это сообщение взбудоражило русов! Вмиг все повскакивали с мест, загомонили, причем из верхних жилых помещений тоже стали спускаться по лестницам русы, что-то спрашивали, даже хватались за оружие. Предусмотрительный Фока показывал всем на выход.

– Не хватало еще, чтобы и мое заведение затронула их свара, – ворчал, наблюдая, как люди теснятся возле узкого выхода из дворика эргастерия.

– А много ли сейчас русов в Царьграде? – осведомилась Светорада, на что получила ответ: ромеев все равно больше.

Неизвестно, что хотел сказать этим Фока, но тут и Сила неожиданно решил присоединиться к своим. И не важно, что на Руси его племя было примученным Олегом Вещим к союзу с Русью. Тут, на чужбине, все они были единым народом.

Взволнованная, ничего не понимающая Дорофея спрашивала, что случилось, когда Светорада увидела, как во дворик вбежал заплаканный длиннородый человек. Княжна и раньше встречала его тут, знала, что это боярин Фост, не единожды уже приводивший торговые караваны в Царьград. Сегодня он возглавил делегацию просителей-русов к эпарху. И вот вернулся – в разорванной одежде, без шапки, со слезами на глазах.

– Убили! – рыдал Фост, почти повиснув на руках Фоки. – Мстислава, сына моего, убили собаки проклятые!

Только через какое-то время, напоив Фоста водой и расспросив, Фока выяснил, что произошло у эпарха. Как оказалось, ничего хорошего. Эпарх согласился принять русских купцов, однако держался с ними неуважительно, слушать ничего не пожелал, даже говорил оскорбительные слова, угрожая выслать всех из Константинополя без товара. Вот Мстислав, горячая головушка, и двинул ему в зубы. Ах, не уследил отец, не сдержал парня!.. Но уж как наболело это самоуправство ромейское! И тут же кто-то из охранников эпарха выхватил клинок и полоснул Мстислава по горлу... Да и на остальных русов кинулись, хорошо, что витязь Рулав и его товарищи помогли отбиться и оттащили Фоста от мертвого сына. Так и ушли, отбиваясь, только в городской толчее сумели скрыться, но ведь эпарх все одно послал за ними вооруженных стражей равдухов⁵², чтобы те схватили нарушителей закона. До того, что ромеи сами первыми решились на смертоубийство, им и дела не было, даже не позволили унести тело Мстислава, рассказывал, задыхаясь от горя и гнева, боярин.

---

⁵² Равдухи – воины, выполнявшие в городе полицейские функции.

Встревоженная Дорофея тянула Светораду за рукав, умоляя скорее уйти, но та отмахивалась, слушая сбивчивую речь боярина. Внезапно шум со стороны улицы усилился, все громче становились крики и звуки трубы, свидетельствующие о начале вооруженного столкновения.

– Уходили бы вы и в самом деле, госпожа, – заметил Фока, нервно оглаживая свою широкую белокурую бороду. – Раз до такого дошло, то может произойти что угодно. А так пройдете за моей корчмой к дороге, что ведет к воротам Ксилокерка, а там и охрана, и двуколку нанять можно. Тут же теперь опасно оставаться.

Дорофея уже почти плакала, увлекая за собой Светораду. Этой ромейской армянке, всю жизнь прожившей за мощными укреплениями Константинополя, было страшно представить, что может случиться здесь, среди воинственных варваров, особенно когда где-то рядом творится нечто похожее на бой. Однако Светорада знавала в своей жизни и набеги, и схватки, и даже кое-что похуже. Она не потеряла присутствия духа, спокойно последовала за Фокой в боковой проход, откуда направилась по узкой улочке в сторону ворот Ксилокерка.

Здесь, в предместье, где селились прибывавшие извне варвары, жители уже привыкли ко всякого рода заварушкам. Сейчас их дома крепко запирались и было слышно, как матери сзывают детей, как опускаются на окошках ставни. Улицы вмиг опустели. Но если ромеи старались поскорее укрыться, то оказавшиеся тут на постое русы, наоборот, спешили на улицу. Многие из них были вооружены, кое-кто и щит прихватил, и все бежали в сторону, откуда доносился шум.

Светорада понимала, что волнения ее земляков в чужом граде не приведут к добру. Горстка иноземцев – это всего лишь жалкая толика того, что они могли противопоставить вооруженным силам столицы мира. Когда она заметила, что по широкой городской стене в их сторону движется вооруженный высокими пиками отряд схолариев, то не на шутку встревожилась. Это были воины столичных отрядов, которые имели очень широкие полномочия в случае вооруженных мятежей. А мятежниками сейчас выступали как раз соотечественники княжны.

Позже Светорада уже не могла припомнить, что толкнуло ее кинуться на звуки разгромавшейся схватки. Где-то сзади отстала зовущая ее Дорофея, а Светорада уже пробиралась сквозь разбегающуюся толпу зевак туда, откуда доносился шум. И хотя здесь, в предместье, за городскими стенами, приезжие имели право носить оружие, схоларии при их многочисленности и прекрасной военной выучке могли вмиг расправиться с непокорными, осмелившимися нарушить покой столицы.

Вскоре Светорада увидела сгруппировавшихся русов... Она замерла, укрывшись под портиком какого-то дома, и смотрела, как варяги и русы стоят стеной, кричат, отбивая выпады городской стражи равдухов. Похоже, тут и впрямь не обошлось без жертв: несколько убитых русов уже лежали на открытом пространстве между возбужденными стычкой русами и преграждавшими им путь равдухами. Но и равдухи заметно испугались, хотя, в отличие от русов, все они были в броне и шлемах, с большими каплевидными щитами и направленными в сторону мятежников пиками. Однако, несмотря на вооружение, они не осмеливались нападать, выжидали. От русов исходила явная угроза: все высокие как на подбор, разъяренные несправедливостью властей, они стремились во что бы то ни стало доказать, что не позволят себя унижать. И Светорада, понимая безрассудство своих соотечественников, все же ощутила некую гордость за них.

В это время один из русских витязей вышел вперед, стал между своими и равдухами и, подняв руку, призвал к вниманию.

– Вызовите вашего хозяина, ромеи! – начал он на довольно неплохом греческом языке. – Ни нам, ни вам не нужно кровопролитие, и дело еще можно кончить миром, если эпарх Юстин явится на переговоры.

Равдухи не отвечали, смотрели из-под надвинутых на глаза шлемов.

– Да чего с ними разговаривать! – крикнул кто-то из русов. – Сомнем, как былинку, и сами до их Юстина доберемся! Как же это так, сначала торговать нам не давал, а теперь еще приказал наших братьев убивать!

Словно в подтверждение этих слов, русы двинулись на защитников столицы. Те медленно отступали, и это воодушевило русов. Светорада даже разглядела в толпе Голубу, неожиданно оживленную и веселую, видимо решившую, что после этого ее наверняка не сговорят для эпарха. Вот дура! Именно сейчас дела принимали такой оборот, что ради мира ее едва ли не на коленях поставят перед Юстином Маной. Ибо все равно равдухи дальше Ксилокеркских ворот Константинополя не отойдут и не пустят чужаков в город. А там уже и отряд схолариев подоспеет, начнется резня.

Светорада оглянулась на стену, где уже не было видно рядов топорщащихся остриями копий. Значит, отряд схолариев уже спустился и теперь движется сюда между домами предместья. Очень скоро русы могут оказаться в кольце между мощными щитами равдухов и копьями схолариев. А тех, кого не убьют сразу, ждет тюрьма, палач или рудники.

В какой-то миг княжна заметила среди русов своего охранника Силу. Надо же, древлянин, похоже, уже не думал, что присоединился к тем, кто, возможно, некогда воевал с его племенем. И что ему нейдет, если он и в рабстве устроен почти в роскоши, о которой никогда и не помышлял в своих диких лесах? Вон какой оживленный, даже веселый. А что до этих смутьянов самой Светораде, когда ее жизнь давно налажена и спокойна?

И все же она двинулась к ним, пыталась определить, кто тут главный, пока не заметила среди них рыжую голову рослого ярла Фарлафа. Еле смогла протолкаться к нему, схватила за руку. У Фарлафа при взгляде на княжну удивленно поднялись брови, смотрел на нее озадаченно и подозрительно.

– Послушай меня, храбрый яшень стали⁵³, – обратилась к нему Светорада на варяжском, не обращая внимания на его изумление. – Равдухи просто пытаются задержать вас, в то время как сюда движется отряд вооруженных до зубов схолариев. Вам не устоять против них, а они, поверь, никого не будут щадить. Вы ведь теперь мятежники, а с такими тут не церемонятся.

Фарлаф какое-то время соображал, даже не повернулся, когда Голуба повисла на его плече, глядя на Светораду почти с вызовом. Затем он мягко отстранил от себя свою милую и сказал:

– Благодарю за предупреждение, яблоня пряжи⁵⁴. Но разве у нас есть иной выход, как не отважно погибнуть в схватке?

Ох, эти варяги, которые рвутся в сечу, как в объятия возлюбленной! Но Светораде было что ему предложить вместо достойной смерти.

– Посмотри вон туда, храбрый ярл, – указала она рукой в сторону. – Нет, не на равдухов, а на каменную стену за ними. Там находится дворец Святого Маманта, пустующий уже несколько лет. Во дворце почти никого нет, однако его ограда может послужить вам укрытием. Конечно, равдухи вряд ли вас подпустят к нему, но если вы сообщите им, что у вас в заложниках ромейская патрикия, – она указала на себя и гордо вскинула голову, – если принудите их отступить, то сможете добраться до ворот этого дворца. Ворота наверняка за запоре, однако вас достаточно много, а сам дворец охраняет только горстка слуг. Они вам не помеха. К тому же, имея в руках заложницу, вы сможете выставлять и свои условия. Даже вытребовать, чтобы вас отпустили.

– А наши суда в портах, наш товар?

– Раньше об этом надо было думать! – сердито огрызнулась Светорада.

---

⁵³ Т. е. воин. Такие иносказательные выражения назывались у скандинавов кенингами.

⁵⁴ Женщина (*кенинг*).

Фарлаф какой-то миг размышлял, потом вдруг резко подхватил ее на руки и, протискиваясь среди вопящих русов, вышел вперед, к равдухам. Там поставил Светораду перед собой, закрывшись, будто щитом.

– Если не отступите, мы этой патрикии перережем горло! – крикнул он на ромейском языке, причем для убедительности выхватил меч и приставил острое к горлу Светорады.

У нее в первый миг от страха все поплыло перед глазами. А тут еще и Сила рванулся к Фарлафу, испугавшись за госпожу, но древлянина удержали, а слышавшая весь разговор Голуба, видимо о чем-то догадавшаяся, стала торопливо объяснять древлянину, что происходит, – язык-то тиверцев и древлян схож. Однако сама Светорада, почувствовав на коже острое каленого булата, уже ни в чем не была уверена, и на лице ее застыл такой неподдельный ужас, что начальник равдухов и впрямь поверил, что дело тут неладно. Он понимал, что это богато одетая женщина явно не была простой горожанкой, поэтому, случись с ней что, и офицер равдухов может потерять свое место.

Он дал сигнал отступить.

Фарлаф, по-прежнему удерживая у горла Светорады меч, торопливо объяснял своим людям, что им следует делать, а те передавали весть далее. И так, медленно передвигаясь и оцетинившись оружием, русы приблизились к широким воротам дворца Маманта. Это было довольно большое строение, окруженное каменной стеной, красиво увитой плющом. Его высокие ворота были закрыты, однако русы не стали тратить на них время, а быстро, становясь на плечи один другому и хватаясь руками за плющ, взбирались на стену. А тут кто-то и лестницу уже тащил. Появившиеся было наверху немногочисленные охранники дворца поспешили сразу скрыться, сообразив, что не в их силах остановить ораву отчаянных варваров. И если в оставленном дворце еще могли быть слуги, то они куда-то подевались, ибо, едва русы распахнули тяжелые створки ворот, и толпа мятежников вбежала на широкий мощеный двор, их встретила тишина.

Во дворце Святого Маманта они оказались как раз вовремя, потому что со стороны улицы уже слышалась мощная поступь отряда схоляриев. И как только последние из русов забежали во двор, створки со стуком сомкнулись и мятежники совместными усилиями задвинули брусья засовов в пазы. Удары наскочивших извне схоляриев только грохоту прибавили. А Фарлаф, схватив Светораду за руку, уже тащил ее по каменной лестнице на арку, возвышавшуюся над воротами.

– У нас ваша патрикия! – крикнул он сверху, весьма непочтительно удерживая Светораду за волосы, отчего ее прическа совсем растрепалась, а сама она со страхом глядела вниз, где на них, задрав головы, смотрели воины в стальных шлемах. Фарлаф, видя замешательство ромеев, довольно рассмеялся. Но Светораде было не до смеха, когда ярл вновь грубо потрянул ее. – Я перережу ей горло, если не прекратите напирать! И сообщите своему эпарху, что мы заняли ваш дворец и останемся тут, пока он не явится к нам на переговоры.

Только позже, когда схолярии отошли, Фарлаф наконец спустился с заложницей вниз, оставил ее и сказал уже совсем иным тоном:

– Ты не должна сердиться на меня за грубость, нежная береза нарядов. Ты поступила мужественно, защитив собой столько людей. И я клянусь тебе мудрой силой Одина⁵⁵, что, пока я жив, ни один волос не упадет с твоей головы.

Светораде хотелось верить ему. Ведь если варяг поклялся своим верховным божеством... У них вообще честь священна, их слову можно верить. Однако она все еще не могла прийти в себя и почти кинулась на грудь Силе, когда тот протиснулся к ней сквозь толпу.

– Она наша, наша, – говорил Сила, сам уже ставший своим среди этих людей. – Думаете, ромейке какой было бы до вас дело? А эта сама из подневольных.

---

⁵⁵ Один – верховный бог у скандинавов.

– Ты ж говорил, что она жена их патрикия!

– Что, не слыхали, как наши девушки к патрикиям попадают?

Сила никогда раньше не интересовался судьбой Светорады. Попал в услужение к своей – и то хорошо. Русы знали, что их женщины по-разному оказываются в богатой Византии. Поэтому к княжне – кто из них догадывался, что она княжна? – отнеслись даже с сочувствием, начали благодарить.

Постепенно все разошлись, стали осматривать дворец, дивились, отчего такое богатое жилище да в запустении. Разглядывали мозаичные картины на сводах, восхищались мраморными полами, любовались редкими статуями и беломраморными колоннами в простенках. А когда в служилом помещении обнаружили еще не успевшую остыть печку и кое-какие запасы провианта, вообще развеселились. А там и мех с вином по рукам пустили.

Однако Фарлаф и воевода Рулав быстро навели порядок. Рулав самолично продырявил мехи с вином, пригрозив, что вытолкнет к схоляриям любого, кто будет бесчинствовать. Сам же поднялся на ворота и вступил в переговоры с командиром схоляриев. Рулав требовал все то же: сообщить о случившемся эпарху, вызвать его сюда, дабы они могли прийти к какому-то соглашению. Если же схолярии решатся продолжать наступление, то русы не только не пожалеют заложницу, но и вообще устроят тут пожар. Сами сгорят – ведь терять-то нечего! – однако огонь перекинется и на иные постройки. Нужно ли такое ромеям? Вот то-то же!

Пока он вел переговоры, Фарлаф со Светорадой обошли весь дворец, сад и окружающие его стены. Фарлаф все примечал взглядом воина, где приказывал остаться дозорному, где забаррикадировать калитку в стене. И совсем ему не понравилось, когда он заметил еще одни ворота, расположенные возле примыкавшего к дворцу Святого Маманта высокого сооружения.

– Что там? – Он указал на ворота, украшенные изваяниями льва, дракона и взвившегося в прыжке леопарда.

– Старый ипподром при дворце Маманта, где порой тренируются возникшие перед выступлениями квадриг на большом ипподроме.

Фарлаф внимательно оглядел широкие створки ворот, за которыми располагался тренировочный ипподром, велел их забаррикадировать всем, что найдут во дворце, и выставил стражу. Ярл рассудил, что если ромеи решатся атаковать их, то скорее всего отсюда. И хотя подле дворца располагался еще и большой монастырь Святого Маманта Кесарийского, в честь которого получило название как само предместье так и дворец, со стороны обители священнослужителей Фарлаф не ожидал нападения.

– Ромеи вряд ли потревожат своих длиннополых монахов, – подытожил он, обращаясь к Светораде, и она согласилась с ним.

Вообще-то, княжне было волнительно. Вместе с русами она оказалась как бы под одной угрозой. Оставалось надеяться на Дорофею, которая, конечно, не преминет сообщить о случившемся Ипатию. Тот свяжется со своим братом препозитом, а уж Зенон может и пред ясные очи императора явиться. Другое дело, что Светорада все еще не была венчанной женой Ипатия. Воспримут ли ее при дворе как достойную помощи жительницу Византии? За своих-то ромей горой стоят, но вот своя ли она в их глазах?

Зато русы отнеслись к ней приветливо. Даже Голуба больше не косилась недобро, а в пояс поклонилась. Сказала, что видела тут один покой, еще не разграбленный, где их спасительница, изнеженная византийская матрона, может расположиться с удобствами. Светорада только на миг вошла в эту овальную полутемную комнату с малахитовыми колоннами, где на возвышении стояло широкое ложе с торчавшими по углам столбиками для балдахина. А как оглядела все, так и заспешила прочь. Не в этом ли покое подосланные узурпатором Василием убийцы зарезали императора Михаила Пьяницу?

Светорада решила оставаться пока среди русов в обширном нижнем зале дворца. Села на ступеньках мраморной лестницы, на услужливо постеленную кем-то накидку. Русские купцы стали подступать к ней с вопросами:

– Как думаешь, что ждет тех из наши, кто остался в предместье? Помилуют али, наоборот, обвинят и схватят?

– У меня на корабле с десятков бочонков с медом осталось, их что, теперь изымут?

– Наш боярин Фост ранее умело договоры с ромеями складывал. Может, и теперь тоже сподобится? Выручит нас, а?

Светорада сперва отмалчивалась. Не стала отвечать и шустрому мужичку с торчавшей бороденкой, который вдруг запанибратски начал выпытывать у нее, как она сама у ромеев оказалась.

– Ты не хмурься, девонька, – говорил он ей. – Я неспроста вызнаю. Дочка у меня твоего возраста, и она страсть как хочет, чтобы ее за ромея просватали. Легко ли среди них жить? А то я ей тут женихов приглядываю.

– У твоей дочери тоже сын восьми годочков? – усмехнулась Светорада, догадавшись, что ее тут за девчонку принимают.

Кто-то сказал:

– Ты не серчай на нашего Сфирьку, красавица. Он шустер да неумен, и дочка у него такая же. Все бы ей из Киева да в Греки, чтобы в парче и подвесках эмалевых красоваться. Только вот неизвестно теперь, вернется ли ее батянька в славный Киев на Днепре. Как думаешь, скоро нас выпустят? И выпустят ли вообще?

Светорада пожимала плечами. Правда, когда к ней подошел воевода Рулав и спросил, на что она сама рассчитывала, примкнув к русам, княжна вынуждена была отвечать. А был этот Рулав весьма пригожим молодцем: с кудрявой русой бородкой, пышными волнистыми волосами, сероглазый, привлекательный лицом, да еще и косая сажень в плечах. «Няньке моей Текле некогда такие очень нравились», – вспомнилась вдруг Светораде ее старая нянюшка в Смоленске. Та все, бывало, напевала юной княжне, что, мол, и для тебя найдем жениха-соколика, сероглазого да русобородого, сильного да ласкового...

Светорада под его строгим взглядом даже стала невольно приглаживать разметавшиеся волосы, поправила сбившийся гиматий. И взгляд Рулава потеплел. Княжна же поясняла, что весть о захвате русскими купцами старого дворца Маманта вскоре дойдет до самого императора. Он, конечно, не возрадуется этому, однако решит все возложить на епарха. Торговых гостей в Византии обычно не принято обижать, но товара они, судя по всему, лишатся. И она не удивится, если по истечении положенного срока им позволят покинуть убежище и убраться восвояси. Поход их, конечно, будет бесславный и убыточный, но хоть живыми останутся.

Рулав размышлял, слушая ее, хмурил соболиные брови.

– В том позор для Руси, если ромеи нас словно каких-то евреев оберут, – сказал наконец.

Видать, не единожды уже бывал в Византии, если знал, что евреев тут порой жестко обижают. К тому же Светорада заметила у самого Рулава позвякивающий о пластины брони крест на бечевке. Рулав оказался чуть ли не единственным из присутствующих, кто был облачен в воинские доспехи. Ясное дело, ведь сегодня именно он ходил с Фостом и его сыном к епарху Юстину Мане. И Светорада спросила, как же они не доглядели за боярским сыном, что тот первым в драку полез? Ведь из-за него теперь все их неприятности...

Рулав не ответил, разглядывал ее как-то по-новому.

– Скажи, красна девица, не мог ли я тебя ранее где видеть? Хотя такую красоту да забыть... Но вот где видел-то?

Светорада поправила на голове легкую ткань гиматия и отвернулась. Что ж, все может быть. О ней когда-то немало на Руси говорили, многие даже приезжали в Смоленск, чтобы взглянуть на первую красавицу Днепровской Руси... Но давно это было...

Однако узнал ее ярл Фарлаф. Княжна вздрогнула, когда он назвал ее на скандинавский лад – Лисглада.

– Я был в походе Игоря, мы тебя отыскиали в хазарских степях. И тога ты вроде как на Русь отправилась. Но что же потом с тобой приключилось? Слыхали, будто ты в плену у хазар была, а теперь среди ромеев прижилась. Вот и дается мне, что нить, какую спряли для тебя норны⁵⁶, запутана и сложна, как полет летучей мыши. И еще есть, что хочу у тебя спросить: мудрая Ольга Вышгородская, которая ныне женой Игоря стала, как-то говаривала, что оставила тебя с сыном своим. Не скажешь ли, где теперь молодой княжич?

Сердце княжны сжалось. Она смотрела на догадливого ярла и едва могла проглотить подкатившийся к горлу ком.

– Сам же сказал – моя жизнь, что полет ночной мыши. И если маленький Глеб, как звали сына Игоря и Ольги, – тут Фарлаф согласно кивнул, – и был со мной какое-то время, то теперь мне нечего о нем сообщить.

Про себя же подумала: «Ни за что не отдам им Глебушку! А у Ольги и Игоря еще дети будут...»

Фарлаф больше ни о чем не расспрашивал. Он сейчас об ином заботился: проверял, у кого какое оружие, вновь и вновь осматривал стены, менял постовых, приказывал, чтобы глядели в оба глаза, слушали в оба уха, а то, не позволь боги, ромеи вдруг решатся пойти на приступ. Но русы хоть и слушали его, все же поговаривали, что ромеи не больно-то и сильны в наскоке. Вот в обороне – тут да, тут они умелые, стойко охраняют свои границы. Да и чувствовалось, что русы пребывают в некоем кураже: мол, если захватили ромейский дворец у самых ворот Царьграда, то уж удержать его точно смогут!

Фарлаф вернулся, когда уже смеркалось. Долгий, полный событий день угасал, багровые отсветы заката на плитах дворца стали меркнуть, синеватые тени таились в углах, бледно, по-костяному высвечивались в ночи колонны. Русы, перекусив из местных закровов, располагались на ночлег. Светорада довольно удобно устроилась в нише стены, где, наверное, стояло некогда чье-то изваяние, а теперь как раз хватило места, чтобы прилечь на плаще и приклонить голову на колени присевшего рядом Силы. Спать – не спалось. Мысли будоражили.

Надо же – она среди своих! И речь родная. Как же не похожи ее соотечественники на скрытных ромеев, которые, вечно таясь от других, живут по принципу: каждый сам по себе. А русы еще не отвыкли от общины, легко вступают в разговор, болтают о всяком. Вот и петь начали:

*– Ох, и летели по небу два сокола быстрые,
Догоняли белых лебедушек.
Сокол – птица быстрая да сильная,
А лебедушка нежная да слабая.
Если сокол летит – не спасись,
Если лебедь манит – доберутся.*

И слаженно-то как пели!..

Светорада улыбалась, слушая. В какой-то миг заметила Фарлафа с его Голубой. Сидели любовнички на большом подоконнике, обнимались. Варяг играл косой своей милой, она прижималась к нему нежно. Из-за нее, из-за Голубы ведь все, а вон поди ж ты, счастлива со своим ярлом. И он ее никому в обиду не даст. Хорошо быть подле такого... Светорада даже позавидовала тиверке. Быть рядом с милым, который защитит от всех жизненных напастей... Отпра-

⁵⁶ Норны – вещие существа, которые прядут нить судьбы каждому из смертных.

виться за ним в любые дали-дальние... Когда-то с ней было такое. Выпало ведь счастье, хоть и недолгое, но такое яркое... Вовек не забудешь.

Но все равно сердце ретивое томилось и ждало, желая разрушить это спокойное одиночество в душе, какое не может развеять даже забота и доброта того, кто оберегает и ублажает ее. Ах, как хотелось полюбить! И вспомнился ее Тритон, заныло сердце, мечты вновь нагрянули. Доведется ли встретиться с ним вновь?..

Светорада вздохнула. Опять смотрела туда, где в овальном проеме окна, на фоне слабого ночного свечения целовались ярл и его Голуба. Потом они взялись за руки и пошли вглубь темных переходов, переступая через лежащих вповалку русов.

Однако больше никто шастать впотьмах по заброшенному дворцу не решался. А тут еще Рулав стал рассказывать, как вышло, что у этого роскошного жилища появилась недобрая слава, отчего тут никто не решается жить.

Сперва поведал, что с тех пор, как возле монастыря Святого Маманта Кесарийского, возвели дворец, тут то и дело что-то неладное случалось. То болел и умирал кто-то, то когда болгарский хан Крум⁵⁷ ходил в поход на Царьград, он вообще здесь кровавые жертвоприношения устраивал. Со временем дворец привели в порядок, освятили, чтобы изгнать все темное, перестроили богато и, в итоге, он стал любимой резиденцией императора Михаила III. К слову, этот император Михаил получил в народе прозвище Пьяница за свою неизбывную любовь к кутежам и возлияниям. А еще он любил скачки, вот и велел пристроить близ дворца Маманта ипподром, где под предлогом конных ристаний, устраивал оргии и попойки. И все это в стороне от строгих глаз отцов Церкви и сановников.

Был у этого императора Михаила любимый царедворец Василий. Он приблизил его почти до положения соправителя, а потом, сообразив, в какую силу вошел его фаворит, решил погубить. Однако Василий уже сам задумал расправиться с императором. Прибыв со своими сторонниками во дворец Маманта на одну из пирушек, он дождался, когда пьяного императора отвели под руки в опочивальню, и послал к нему убийц. Правда верный слуга, спальник Михаила, поднял шум, отчего базилевс очнулся. И когда убийцы ворвались в его покой, он поднял руки, защищаясь. Убийцы в запале отрубили ему руки, но потом чего-то испугались и кинулись прочь.

Тогда сам Василий взял меч и пошел в опочивальню Михаила. Император сидел на постели, обливаясь кровью, и проклинал своих убийц. Завидев Василия с мечом, он закрылся обрубками рук, но тот сказал, что пришел избавить Михаила от мучений. Вот и пронзил его грудь. А потом вышел и объявил себя правителем. Правил он много лет. И нынешний император Лев – продолжатель его династии.

– Вот только про дворец святого Маманта с тех пор поговаривают, что это недоброе место. Нынешние правители его не посещают, так как ходят слухи, что по пустым переходам дворца и по сей день бродит призрак убиенного Михаила с отрубленными руками.

Рулав рассказывал эту историю спокойно и толково, однако княжне стало как-то не по себе. Да и не только ей. Русы, не отдавая себе отчета, начали собираться в группы, переговаривались, что, дескать, сразу поняли, что с этим дворцом не все ладно. Потом решили зажечь факелы, а когда свет озарил помещение, стали обсуждать, как это Фарлафу с его Голубой не страшно таиться в потемках, где ходит убиенный базилевс. Неугомонный Сфирька вдруг забеспокоился, дескать, не нападет ли на них там окровавленный безрукий призрак? Даже стал подбивать кое-кого пойти с ним во внутренние покои, посмотреть, все ли у них ладно. Его отговаривали, однако Сфирьке словно вожжа под хвост попала. Пойду, сказал, и все тут!

---

⁵⁷ Болгарский хан Крум (ум. в 814 г.) – осаждал Константинополь в 813 году, но не смог взять и удовлетворился выплатой дани.

В конце концов ему дали один из факелов, нашлась и пара сопровождающих. Они ушли во тьму переходов, а русы ждали чего-то, прислушивались. И все всполошились, когда в переходах раздались крики и грохот.

Сфирька почти скатился с лестницы, а за ним его сотоварищи. Ругались грубо, потирали ушибы. Остальные же так и зашлись от хохота. Спрашивали:

– И кто же это вас так? Фарлаф обозлился или же безрукий царь спихнул?

Потешались, пока не появился полуголый Фарлаф. На Сфирьку так глянул, что тот сразу за одну из колон поспешил спрятаться. Но Фарлаф был неумолим:

– Раз тебе нейдет, Сфирька, замени на посту кого-нибудь из отстоявших свое охранников. Вот и не будет, чем дурную голову загружать.

Сфирька начал было оправдываться, что у него, мол, и в мыслях не было подглядывать за ярлом и его милой, но все же, понутив голову, отправился нести дозор.

Светорада, нахохотавшись вволю, вновь примостила голову на коленях Силы. Как ни странно, у нее было хорошо на душе. Сама не заметила, как заснула. Спокойно и устало. И среди своих была, и впечатлений хватило, чтобы утомиться.

На другой день дворец Святого Маманта окружили отряды схоляриев. Стояли рядами, но на приступ не шли. Фарлаф и Рулав поднялись на ворота, переговаривались с их командирами. Светораду тоже позвали, предъявив, что с заложницей все в порядке. А она разглядела за рядами воинских копий богатые носилки Ипатия. Обрадовалась. Что ж, невенчанный муж не оставит ее в беде. Ей даже передали корзину с провиантом, чтобы пленная патрикия не голодала.

Она хотела поделиться снедью с русами, но те отказывались, несмотря на то что оставленной немногочисленной охраной дворца провизии явно не хватало, чтобы насытить такую ораву. Однако русы говорили, что им не впервой голодать. А не выпустят ромеи... Клялись сами раздобыть себе провиант в предместье.

И все же настроение у них было не так чтобы приподнятое. Особенно приуныли, когда явился сам эпарх Юстин, а вслед за ним приволокли боярина Фоста, заставив того уговаривать своих товарищей покинуть убежище.

Фост, которого вытолкнули к воротам, сообщил, что по приказу градоначальника схватили и казнили нескольких русских гостей, не успевших укрыться. Для острастки остальным, так сказать. Но, припугнув люд, Юстин все же заявил, что готов отпустить русов, если те вернут без ущерба благородную госпожу Ксантию. Эпарх говорил, что русам даже позволят уйти на судах из Золотого Рога. При этом Фост делал какие-то знаки, чтобы осажденные что-то уразумели.

Фарлаф с Рулавом попытались истолковать эти жесты по-своему: дескать, так Фост пытается предупредить, что товары их конфискуют. Но это они уже и сами поняли. Ворчали на Фоста, что, мол, из-за тебя все, из-за сына твоего излишне рьяного теперь ущерб терпим. А еще было подозрение, что хитрят ромеи, выманить хотят, чтобы потом напасть всем скопом. Эх, непросто все.

Рулав обратился к эпарху, сообщив, что русы отдадут заложницу и освободят дворец при условии, если Юстин Мана отведет от дворца отряды схоляриев, а также поклянется именем своего Бога, что позволит русам спуститься к кораблям и беспрепятственно выйти в море. Только тогда они покинут убежище, а иначе ни себя не пожалеют, ни ромеев.

Настроение осажденных после переговоров было не самое хорошее. Осматривали свое оружие, кто-то вспоминал, какую отменную броню на постое оставил, – и стоила недешево, и от хазарской стрелы не раз уберегала. Теперь же все проклятым христианам и их жадному эпарху достанется. И злясь от бессилия, русы посекали немало прекрасных колон во дворце – хоть так хотелось досаду выжить.

К ночи осажденные сидели усталые и голодные. И тут вдруг кто-то из них заиграл на рожке. Так переливчато и плавно по-русски, то грустно, то с неожиданной лихостью. Русов это сперва умилило. Кто-то заговорил, вспоминая родные берега, близких, а некоторые стали вытирать кулаком выступившие слезы. Но потом на осажденных русов нашел некий раж. Попросили сыграть плясовую, сами стали улыбаться, притопывать да прихлопывать, а там уже кто-то выпрыгнул в освещенный круг, пошел выделять коленца вприсядку.

Смешки русов перешли в подпевание и подзадоривание друг друга. Вон и маленький Сфирька засеменил, выставив руки кренделем, кто-то приказал зажечь больше света, начал присвистывать. Ух-ма! Еще давай, жги, жги, пляши!..

Светорада тоже вдруг примкнула к танцующим, пошла перед ними белой лебедушкой, плавно и гордо неся вскинутую голову, ногами дробь выбивала часто-часто, только янтарные бусы подрагивали. Она ведь так любила плясать, а тут русский танец с его живостью и жаром, без этой извечной величавой медлительности ромейского хоровода.

Русы смотрели на нее восхищенно. То один, то другой из плясунов стремился покрасоваться перед ней – скакали, вились вьюном, шли в дробном топоте. Даже важный витязь Рулав не удержался, пошел боком на нее, пританцовывая и упирая руки в бока.

– Ах, встретить я тебя ранее... Самим Родом⁵⁸ клянусь, моей супружницы кик⁵⁹ носила бы! Глаза его так и блеснули из-под кудрявого чуба...

Светорада поняла, что пора прекратить красоваться. Переводя дыхание и обмахиваясь полкой легкого гиматия, она отошла туда, где в стенной нише сидел ее Сила. Но княжну все равно обступили, хвалили за пляс, а там кто-то и спросил:

– Что ж ты, красна девица, нашу Русь на ромейское счастье променяла? Вон как из тебя дух наш рвется.

Светорада прикусила губу. Они, наверное, считают, что она, как иные девки с Руси, тоже всегда мечтала тут поселиться, жить в доме с водопроводом и теплым полом, ходить в храмы христианские... И плакать так захотелось, что слезы еле смогла сдержать. Сквозь застилавшую глаза пелену Светорада увидела стоявшего в стороне Фарлафа, который пристально смотрел на нее. Его лицо было суровым.

– Все, все, оставьте ее. Повеселились, поплясали и на покой пора.

Но, уходя, опять оглянулся на княжну. Знал ведь, кто она...

Когда погасили факелы, когда все улеглись и стали засыпать – кто-то даже захрапел зычно, – Светорада тоже погрузилась в сон. И снился ей двор смоленского терема ее отца, и она сама, совсем юная, плывущая в танце по кругу с ощущением полного счастья, полного полета... Так и кажется, взмахнешь сейчас руками по-лебединому – и полетишь.

Ближе к утру, когда мир совсем притих, в арке дворцовых ворот показался один из дозорных. Прокрался в полутьме, переступая через спавших, туда, где подремывал в обнимку с Голубой Фарлаф, сказал что-то негромко... Ярл так и подскочил, отпихнув лежавшую на нем сонную тиверку. Стал торопливо и тихо поднимать спавших вокруг русов.

Сила тоже уловил движение, и, как ни старался не разбудить Светораду, она очнулась. И увидела, как русы тихо движутся, проверяют оружие и выскальзывают из помещения. Сила ушел вместе с другими, бесшумно, как тень, а княжна просто стояла у проема полукруглого окна и всматриваясь в темный запущенный парк вокруг дворца. Тихо было. Даже собака нигде не залает, стража городская не постучит своей колотушкой.

Приблизившаяся Голуба шепотком пояснила, что дозорные в предутренних сумерках заприметили над аркой ворот пустующего малого ипподрома некое движение, вот и заподозрили, что ромеи что-то замышляют. И сейчас все русы там, ждут, что будет...

---

⁵⁸ Род – божество брака и продолжения рода у древних славян.

⁵⁹ Кика – нарядный головной убор замужних женщин на Руси.

Ее слова были прерваны яростным воплем, просто оглушающим в этой тиши. Потом раздался громкий звук сошедшегося оружия, послышались крики, ругань, стоны. Светорада с Голубой невольно схватились за руки, замерли, вглядываясь во мрак. Шум все усиливался, потом резко стих. На короткое время. А затем донеслись торжествующие крики русов.

Тогда Голуба кинулась во тьму. Светорада дрожала – то ли от предутренней сырости, то ли от страха – и все время зябко куталась в тонкий гиматий. Потом русы вернулись, зажгли факелы. Светорада увидела, что все плечо Фарлафа в крови, а Голуба рвет подол рубахи на полосы, чтобы перевязать его, но он, все еще в пылу боя, отстранил ее. А еще Светорада увидела, что русы захватили в плен нескольких воинов в лориках дворцовой гвардии. Значит, ромеи лучших своих воинов отправили на приступ. Но как же издевались над ними русы! Били их, топтали, те падали, харкали кровью. А их вновь пинали.

Светорада различила на одном из пленников алый плащ с серебряной каймой и поспешила к Рулаву.

– Это их воевода, не менее чем комит. Его тоже можно выставить заложником, ибо такие всегда из знатных семей.

Рулав кивнул и приказал прекратить избиение. Пленные ромеи стали с трудом подниматься – истерзанные, окровавленные. Комиту досталось больше других: все лицо в крови, глаз заплыл. Он озирался на своих пленителей, а те похвалялись, как они ловко перехватили пытавшихся прокрасться через ограду ромеев, скольких положили прямо на месте, а этих пятерых взяли в полон.

– Эх, как мы их! – кричал, размахивая выхваченным у кого-то из пленных топориком Сфирька. – И скольких положили! Будут теперь знать златопанцирные, как с русами связываться! А наши-то все целы! Мы ведь не чета ромеям!

Действительно, только некоторые из русов были в крови. Фарлаф наконец позволил Голубе перевязать его, Светорада помогала остальным. В какой-то миг оглянулась, почувствовав на себе исполненный ненависти взгляд. Так и есть – комит гвардейцев. Только теперь Светорада разглядела его. Молодой, крепкий, плечистый. Темные волосы по-военному коротко острижены, лицо продолговатое, выступающий упрямый подбородок подчеркивает выстриженная в тонкую обводку небольшая борода, брови сросшиеся, а глаза светлые, с красноватым отблеском от зажженного факела. Вернее, глаз, так как второй полностью заплыл от удара. Но и взгляда этого единственного, по-волчьи сверкавшего пламенем, хватало, чтобы послать такую волну ненависти, что Светорада содрогнулась. Но все же подошла к совещавшимся Фарлафу с Рулавом.

– Этих тоже надо перевязать.

– Что, своих ромеев стало жалко? – зло оскалился Фарлаф.

Светорада вскинула голову и смерила озлобленного боем ярла таким надменным взглядом, что тот отвел глаза.

Рулав же сказал:

– И так не подойдут. Обошлись малой кровью, а у нас врачевать их нечем.

Пленных заперли в отдельном покое, поставили у дверей стражу. А утром, когда после утомительной ночи Светорада все еще спала, русы выволокли одного пленника на стену, накинули ему на шею петлю и повесили, сбросив вниз. Чтобы ромеи видели, что шутить с ними не собираются.

– Так мы поступим со всеми, никого не пощадим, если не выполнят наши условия! – крикнул в толпу возмущенных ромеев Рулав.

Опять день тянулся напряженно и долго. Русы уже начали голодать, и когда ромеи передали провиант для пленных, то русы, подняв его на веревке, поделили съестное между собой, накормив и Светораду. Она слушала их речи и поняла, что, воодушевленные ночным боем, они теперь готовятся к прорыву к своим судам.

Княжне их решение казалось безрассудным, почти безнадежным. Но не вмешивалась. Там, где решают воины, голос женщины вряд ли услышат. Потом к ней подошел Фарлаф, спросил, она, мол, с ними или как? Княжна молчала, и он понимающе кивнул. Велел оставаться во дворце, тут ей будет безопаснее. Силу тоже вопрошал, пойдет ли тот с ними? Глаза древлянина так и вспыхнули. Но отказался. Пояснил: хозяйку охранять должен. И опять ярл только согласно кивнул.

Пока обсуждали, что да как, Рулав позволил Светораде подняться на стену ограды. Оттуда она опять увидела носилки Ипатия, заметила и Зенона, непривычно разгневанного, что-то возмущенно говорившего эпарху и грозившего тому перстом у самых глаз. Еще она узнала в одном из ромеев главу синклита Агира, который тоже стал отдавать приказы Юстину Мане, отчего эпарх так разозлился, что покраснел как рак, даже со стены это было заметно.

– Может, погодите вы с прорывом, – сказала княжна подошедшему Рулаву. – Непростые люди прибыли к эпарху. И еще неясно, чем все обернется.

Рулав, кивнул. Более спокойный и рассудительный, чем рвущийся в схватку Фарлаф, он внимательно выслушал отправленного сегодня на переговоры схолария. Потом вернулся к своим, сообщив, что хорошо, мол, что они не зарубили пленных, – оказывается, один из них является родственником толстого евнуха, который сейчас насаждает на эпарха. Светорада размышляла только один миг: у Зенона не было детей, не было другой родни, кроме брата. Сын Ипатия Варда был его племянником. Так неужели...

Княжна прошла туда, где содержали пленных, велела пропустить ее к ним.

Ромеи сидели в маленьком темном помещении без окон, там было душно и дурно пахло. Светорада, подняв огарок свечи, осмотрела их и приблизилась к молодому комиту в алой накидке.

– Варда? Варда Малеил?

Он недобро осклабился, глядя на нее.

– Что тебе надо от меня, презренная шлюха?

Светорада какое-то время смотрела на него. Да, Ипатий говорил, как к ней относится его сын, но сейчас княжна испытывала только облегчение, оттого что этот озлобленный, избитый русами воин не ее Тритон.

Когда обратилась к нему, ее голос звучал отчужденно и спокойно:

– Тебе, Варда, надо не оскорблять меня, а благодарить, что не позволила вас растерзать.

– Но это не помешало тебе, потаскуха, возиться с варварами, в то время как мой полумный отец валяется в ногах у базилевса, умоляя о твоём спасении.

Светорада отвернулась и пошла прочь. У порога, не оборачиваясь, сказала:

– Ты плохой христианин, Варда, если не знаешь, как надо почитать родного отца.

– Я почитаю свою мать! – услышала она злой голос комита уже из-за закрывшейся двери.

Но думала о другом: пусть Ипатий и молит Льва за свою невенчанную жену, но уж Зенон просто из кожи вылезет, чтобы спасли единственного наследника семьи Малеилов.

Как оказалось, она была права. Уже ближе к вечеру схоларии были отозваны от дворца Святого Маманта, окрестные жители, все время следившие за происходящим, тоже поспешили укрыться, а лично подъехавший на коне эпарх Юстин сказал, что, хоть товары русов и конфискованы, сами они могут выйти к морю и погрузиться на суда. Но чтоб ноги их больше никогда не было в Царьграде!

Что ж, для мятежников это был неплохой итог происходящего. Хорошо еще, что хотя бы ладьи вернули. И они без задержек покинули дворец Святого Маманта, только Рулав задержался подле Светорады, смотрел нежно.

– Может, с нами? Со мной... – Он покраснел, как девушка, и добавил: – Я тебя почитать и оберегать буду.

Она отрицательно покачала головой. Потом долго смотрела в проем раскрытых ворот, где исчезла высокая фигура русского витязя. Что бы ее ждало на Руси? Да и Ипатия не предашь...

Когда княжна вышла из ворот, первым увидела именно его. И побежала к нему, прижалась. Патрикий обнял ее, стал гладить по разметавшимся волосам, пытался успокоить, хотя, судя по его дрожащему голосу, надо было успокаивать не княжну, а его самого. Ипатий с укоризной сказал Силе, что тот, мол, не уследил за хозяйкой и виноват, что она оказалась в плену. Сила только хмыкнул. Ну ведь не оставил же госпожу в беде!

А потом Светорада почувствовала, как обнимавшие ее руки Ипатия неожиданно напряглись. Он смотрел куда-то через ее плечо. И, оглянувшись, княжна поняла, что он увидел вышедшего из ворот опустевшего дворца сына.

Однако Варда прошел мимо отца, даже не взглянув на него, и направился к крытым носилкам, откуда ему махал пухлой рукой Зенон.

К Ипатию и Светораде приблизился Агир.

– Рад вашему освобождению, любезная Ксантия, – пожал он ручку княжны. – Ну и прыть, я скажу, у этих скифов! Но, Пречистая Дева, как же так вышло, что вы оказались их пленницей?

Спрашивает вроде любезно, но в глазах таится что-то колючее. Немудрено, что они не очень-то и волновались за нее, пока среди пленников не оказался Варда Малеил.

Светорада стала объяснять, что ходила в предместье с Дорофеей, где они по чистой случайности оказались на пути взбунтовавшихся славян. Но осеклась и, поглядев в потемневшие страдающие глаза Ипатия, сказала:

– Я убедилась, что твой сын и впрямь ненавидит меня, но самим Иисусом Христом умоляю: что бы он ни говорил про меня – не верь его словам и наветам. Я чиста перед тобой!

Она знала, как для Ипатия важны ее чистота, ее верность. Видимо, он многое передумал за время ее пребывания во дворце Святого Маманта среди людей с Руси. Однако слова Светорады, блеск в ее глазах успокоили его. Он перевел дыхание, вновь обнял ее.

– Я верю тебе, моя янтарная девочка. – И шепнул совсем тихо: – Но я опасался, что ты оставишь меня и уйдешь с ними.

А ей вдруг стало так тоскливо от его слов.

Дома Дорофея просто кинулась своей госпоже на шею.

– Ночи и дни с колен не вставала, молила за вас Пречистую!

Светорада растрогалась. Надо же, ее ворчунья Дорофея – и такая преданность. Нет, все-таки ее дом уже здесь, в Константинополе.

Сила, поев и переодевшись, куда-то ушел. Вернулся поздно, мрачный, подавленный. Разыскал хозяйку, которая успела привести себя в порядок и теперь чинно сидела с вышиванием, слушая читающую ей из псалтыря Дорофею. Сила молча ждал, пока наставница окончит, но не дождался и, перебив чтицу, сказал на славянском:

– Наших выпустили из Золотого Рога, как и было обещано. Но за ними вскоре отправили несколько больших дромонов.

Дорофея недоуменно переводила взгляд со Светорады на Силу, потом как ни в чем не бывало, продолжила чтение.

Через несколько дней Сила разузнал для хозяйки еще одну новость: боевые корабли ромеев пожгли уходящие русские суда греческим огнем. Только паре из них удалось избежать гибели и уйти на Русь.

Глава 5

В великой константинопольской Софии шло торжественное богослужение.

– Паки и паки миром Господу помолимся! – высоким сильным голосом выводил молодой архидиакон.

– Господи, помилуй! – привычно отзывались певчие.

Службу проводил с соизволения патриарха Николая архиепископ Кесарии Капподакийской Арефа.

– Яко Твое есть царствие, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веко-о-в! – раздавался под сводами его голос.

Патриарх Николай, находясь в реликварии⁶⁰, следил за Арефой. Усмехнулся пренебрежительно в бороду. Такая улыбочка не совсем шла владыке константинопольской церкви – разрушала созданный им образ достойного и мудрого служителя Господа, однако сейчас его никто не мог видеть. Никто, кроме императорского спальника Мануила Заутца, смиренно стоявшего неподалеку от владыки. Но этот возвеличенный по протекции Николая дальний родственник императора немного значил, по мнению патриарха: сегодня возвышен, завтра – брошен в подземелье. Обычное дело. Особенно если учесть, как при дворе относились к семье Заутца⁶¹.

– Святейшество, – постарался привлечь внимание патриарха Мануил, но Николай резко поднял руку, заставляя того умолкнуть. Вслушивался в слова службы, полуприкрыв глаза.

– Слава Всевышнему Богу, и на земле мир!

Певчие вторили призыву, и это же трижды прокричали верующие в храме.

– Сей день Господень великий! – пели певчие. – Сей день радости и славы мира. Он же венец царствия возложен достойно на главу твою!

И опять народ трижды повторил за певчими каждое славословие.

– Слава Богу, Господу всякой твари! Слава Богу, венчавшему главу твою!

Это уже относилось к присутствующему на службе императору. Патриарх хорошо видел базилевса Льва Македонянина, стоявшего на возвышении неподалеку от алтаря. В золотых одеждах, в мерцающем венце, с покаянным лицом – никакой важности, – со смиренно опущенными долу очами. Смирненно... Гм. Патриарх Николай знал, сколько упорства в этих опущенных глазах, в этом слабом, обрамленном бородой рте. Невысокий, довольно щедушный, больше занятый кабинетными трудами в тиши Палатия, нежели укреплением телесной мощи, Лев в свои сорок лет казался отроком, отпустившим бороду. А за ним и половина ромеев перестала брить подбородки, и теперь многие царедворцы носили заостряющиеся книзу клином бороды, состригали коротко волосы на темени, но сзади оставляли длинные пряди.

Только стоявший подле базилевса кесарь Александр, словно желая отличаться от царственного старшего брата, продолжал чисто брить лицо, что придавало ему юношеский облик. Александр с его несерьезностью и распутством вообще мало участвовал в делах управления. Будучи при дворе, он, как и положено, присутствовал на всех церемониях, однако считался слишком несерьезным и беспечным, чтобы Лев чувствовал его поддержку. А может, базилевса это устраивало. Лев, несмотря на свой скромный вид, любил власть. Александр же посвящал свою жизнь развлечениям, охоте и пирам, любовным утехам.

И тем не менее Александра любили в Константинополе. Красавчик, щедрый на раздачу милости, запросто державшийся с любым, он имел свое собственное окружение, и добиться

---

⁶⁰ Реликварий – хранилище святых мощей, деталей одежды, иных священных предметов.

⁶¹ Род Заутца возвысился при временщике Стилиане Заутца, на дочери которого, Зое, был одно время женат император Лев VI. После смерти Зои и ее отца члены семьи Заутца, чувствуя к себе негативное отношение двора, стали плести заговоры, но были разоблачены внухом Самоной, после чего некоторых из них сослали и бросили в тюрьмы.

приема у младшего из братьев правителей было куда проще, чем у старшего. Да и договориться с ним было легче. По крайней мере патриарх Николай больше симпатизировал этому вертопраху, нежели вечно кающемуся, религиозному Льву, который больше следовал советам своих сановников, чем прислушивался к мудрым речам Николая. Вон и теперь даже вызвал латинских священнослужителей, чтобы они, ссылаясь на власть Папы Римского, вынудили патриарха согласиться на богопротивный четвертый брак Льва с блудницей, родившей ему долгожданного наследника.

Патриарх посмотрел туда, где возле митатория⁶² стояла Зоя Карбонопсина – вся в рубинах, золоте и алой парче. Обвивающий ее стан лор⁶³ так изукрашен, как даже сам император и его брат не смеют наряжаться. И стоит-то как... гордо. Поглядеть, так и впрямь императрица: высокая, статная, с черными почти иконописными большими глазами, тонким греческим носом, ярким маленькими ртом. Красавица и, как поговаривают, пылкая любовница на ложе. Вот этим она и очаровала тщедушного на вид императора. Ах, этот Лев Мудрый, Лев Философ, а по сути подкаблучник, раб плотских усад. Хотя о сыне-наследнике он мечтал давно... Патриарх посочувствовал бы ему, так желавшему продления на ромейском престоле ветви Македонской династии, но для этого требовалось нарушить каноны, которые Николай считал незыблемыми.

Но было еще нечто, не позволявшее Николаю признать Зою венчанной женой и императрицей: эта женщина отличалась не только любострастием, но и властностью. Очарованный красотой Зои, Лев попал в тенета ее чувственности и ликовал по поводу рождения долгожданного сына, но при этом не видел, какую хитрую и своевольную змею он пригрел подле божественного престола империи. Он во всем слушал Карбонопсину, потакал ей вопреки советам и наставлениям патриарха. То ли еще будет, если позволить Зое подняться выше статуса наложницы, надеть пурпур⁶⁴ и украсить ее чело императорским венцом! Нет, он, Николай, прозванный Мистиком⁶⁵, пойдет на все, только бы эта женщина не стала законной супругой базилевса.

Николай повернулся к Мануилу. Тот сразу застенчиво заулыбался. Пухленький, кудрявенький, ничтожный. Но нужный и зависящий. Зависящий – значит, верный.

– Где та женщина, о которой ты говорил мне?

Мануил, перебирая складки своей роскошной сверкающей хламиды, приблизился мелкими шажочками, глянул через плечо высокого и полного патриарха в обширное пространство храма. Он видел перед собой освещенных лившимся сверху солнечным светом прихожан, явившихся на службу в собор Святой Софии, видел море торсов и голов. Женщины стояли по левую сторону, и их было даже больше, чем мужчин. Однако Мануил заранее заприметил место, где находилась славянка Ипатия. Не очень-то на виду, но и не так далеко, чтобы патриарх не заметил ее отсюда, из реликвария.

Мануил указал в ее сторону Николаю, поясняя: вот та, в розовом покрывале и диадеме, украшенной янтарем. Однако как Николай ни шурил свои близорукие глаза, так и не смог ее толком рассмотреть.

– Но ты уверяешь, что сия особа похожа на Зою Заутца, вторую жену нашего божественного Льва?

– Похожа, похожа, владыко. Даже не столько чертами, как чем-то неуловимым, привлекающим внимание. И губы у славянки пухлые, как ягоды, и глаза карие... Янтарно-карие, я бы сказал, не зря же в Константинополе ее прозвали Янтарной. А еще манерой общаться, смотреть прямо в глаза, улыбаться – вроде как весело, но в то же время маняще. А еще у этой

⁶² Митаторий – пристройка на южной стороне церкви Святой Софии, сбоку от алтаря.

⁶³ Лор – парадная часть византийского одеяния в виде широкого украшенного шарфа, который надевался спереди на правое плечо и сложным образом обматывал тело, а свободный конец лора свешивался с левой руки.

⁶⁴ Пурпур – этот цвет позволялось носить только членам императорской семьи.

⁶⁵ Мистик – секретарь императора.

женщины, как и у Зои, темные брови и светлые волосы. У покойной императрицы они были скорее пепельного оттенка, у этой же – чистое золото. Но, тем не менее, они очень похожи. Да и плясать любит так же, как Зоя Заутца, мир ее праху. – Мануил смиренно перекрестился, и патриарх тоже сотворил крестное знамение. – К тому же, – продолжил Мануил, вытягивая шею, чтобы лучше видеть княжну, – это сходство не только я заметил, но и препозит Зенон, и даже сам глава синклита Евстафий Агир, и его завистливая жена, недолюбливающая Светораду.

– Све-то-раду? – произнося по слогам непривычное имя, повторил Николай.

– Да, так ее звали в язычестве. Лучезарное счастье означает. При крещении же она получила имя Ксантия.

– А ведь упомянутая тобой жена Агира, Анимаиса, и впрямь не любит ее, – заметил патриарх и даже улыбнулся. Улыбка у него была вполне приятная, даже добрая, что как-то не вязалось с блеском глаз – холодным и колючим. Он щелкнул зернами аметистовых четок. – Анимаиса ведь оскандалилась, когда посоветовала палатийным кухарям приготовить так расхваливаемое Зеноном и Агиром блюдо, которым их угощала сожительница Ипатия Малеила. Как же много Анимаиса говорила об этом! А вышло... Даже собаки отказались есть эту бурду.

Он вновь пропустил сквозь пальцы блестящие зерна четок, огладил тяжелой от перстней рукой свою великолепную длинную бороду. Николай был большим любителем роскоши, и сейчас его объемный живот был обтянут церковным одеянием из лучших тканей, с высокой камилавки⁶⁶ ниспадала тонкая длинная вуаль. Да и весь его облик, солидный, значительный, начиная от пышной седовласой бороды и заканчивая сандалиями из мягких ремней, свидетельствовал о полном благосостоянии и значимости. Его даже невозможно было назвать по-другому – только владыко.

Это и произнес Мануил, заискивающе заглядывая в глаза патриарху.

– Владыко, ты бы устроил встречу Янтарной Ксантии с императором. Думаю, Лев не сможет не поддаться чарам этой дикарки. Вот тогда и узнаем, настолько ли велика над ним власть черноокой Корбонопсины. Старая любовь, знаете ли, так просто не отпускает. А светлейший базилевс Лев и по сей день заказывает службы в честь Зои Заутца и поминает ее даже при Карбонопсине. К досаде и злобе последней.

Патриарх не ответил, а сам подумал о Зое. Она подарила Льву столь страстно желаемого наследника и теперь Лев желает узаконить сына и водрузить на чело Корбонопсины венец базилисы. Ведь император, несмотря на все свои разглагольствования о благочестии и нравственности, был всегда падок на женскую прелесть. И появившись подле него очередная блудница, тут уже можно во всеуслышание объявить, что четвертому браку Льва не бывать из-за его распутства. Не говоря уже, что само желание Льва бракосочетаться не будет казаться убедительным. И тогда даже стремившиеся угождать ему латинские священнослужители несколько раз подумают, прежде чем содействовать базилевсу в его желании нового супружества.

– Приведи эту Янтарную ко мне после службы, – сказал Николай, все еще пытаясь рассмотреть женщину в янтаре и розовом покрывале. И вдруг резко оглянулся: – А не ты ли везде говорил, что невеста Ипатия некогда была куплена на рынке рабов?

Мануил повинно склонил свою кудрявую голову. Подражая императору, он коротко стриг волосы надо лбом и ушами, зато сзади отпустил настоящую гриву.

– Да, говорил, святейшество, вина моя в том. Но ведь и великая императрица Феодора некогда шлялась по улицам Константинополя, продавая себя сластолюбцам, а как стала императрицей, слава о ней распространилась повсюду. Вот я и не смолчал о том, где Ипатий встретил Светораду... К тому же я вызывал о ней: эта Светорада Янтарная – хорошо воспитанная

---

⁶⁶ Камилавка – головной убор священнослужителей цилиндрической, слегка расширяющейся сверху формы.

дочь языческого архонта⁶⁷, и если она приглянется женолюбивому Льву, то кто знает, будет ли он так настаивать на браке с Карбонопсиной?

– Тсс, – остерегающе поднял перст Николай, так как Мануил, увлекшись, говорил все более громко. – Ни слова более. Бог подал знак, имеющие уши да услышат. Все же остальное в руке Божьей.

И он вновь стал прислушиваться к звукам службы.

– Паки и паки миром Господу помолимся! – высоким сильным голосом выводил молодой архидиакон.

– Господи, помилуй! – привычно отзывались певчие.

Светорада, стоявшая на женской половине величественного храма Софии, даже не подозревала, какие речи ведутся о ней и ее судьбе. Она следила за таинством евхаристии, и в душе ее наступало ставшее уже привычным, но всегда умилявшее успокоение. Порой она поднимала глаза к величественному куполу Святой Софии и вспоминала, как некогда ее поразили этот храм, какое восхищение она испытала. Вот тогда и подумалось: если верующие в Иисуса Христа могут создавать на земле подобное чудо для всех людей, то не иначе как им благоволят очень могучие силы.

– О мире всего мира, о благосостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помо-о-олимся!.. – выводил диакон.

Лучи света вливались в ряды окон под реявшим в вышине куполом, озаряя огромное пространство храма. Здесь все было великолепным: сверкающие мозаики на стенах, узорчатые консоли с драгоценной инкрустацией, плывущий свет, отраженный мрамором и позолотой. А если поднять очи горе, то можно лицезреть выполненные с мастерством сцену Вознесения, где Христос с ангелами поднимается в небо, а вокруг него, по ободу купола, расположены фигуры двенадцати апостолов и Богоматерь. И все они... Не люди, а лики, как учили русскую княжну. Не просто созданные рукой человека образы, а те, глядя на которых можешь представить высшие силы... И самое странное, что эти высшие силы некогда прожили обыденную жизнь. Богоматерь, которая родила Иисуса в хлеву, и сам Иисус, который работал простым плотником, его верные сподвижники...

Светорада осенила себя крестным знаменем. Тяжело осознавать, что ты грешница, когда Он был так добр. Этому учил их с Глебом авва Симватий, за это полюбил Единого ее сыночек. Мир ведь так подл и жесток, а Он учил всех прощать... даже врагов.

В такие моменты новообращенная христианка Ксантия старалась постичь еще одно: где ныне пребывает душа ее первого мужа Стемки Стрелка, погибшего от хазарской стрелы? Ведь Стема не знал Христа... Но ее учили, что хорошие люди непременно попадают в рай. И значит, рано или поздно они встретятся со Стрелком. Иначе... Ей страшно было и подумать об этом в великом храме Софии, но одно она понимала: как бы ни восхищал ее своим милосердием Христос, как бы она ни верила в то, что он Единый, – без Стемы ей не нужен был и рай!

Из глаз княжны полились слезы...

Светящееся пространство храма прорезал сильный голос:

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию!

Где-то в стороне от Светорады стоял среди сановного окружения императора Ипатий. Нарядный, с положенным по рангу таблионом⁶⁸ на плаще, гордо державшийся среди сановных мужей империи. Светорада знала, что ее гордый Ипатий падал в ноги императору и облобызал его пурпурные сапоги, когда она попала в «заложницы» к русам. И теперь в Константинополе имя русской княжны у всех на устах, ее почитают мученицей, пострадавшей за верность Царь-

---

⁶⁷ Архонт – здесь: правитель.

⁶⁸ Таблион – богато украшенная ромбовидная нашивка на плаще, указывающая на высокий статус его носителя.

граду. Героиней... Она же до сих пор молит Господа, чтобы он милосердно принял спаленных греческим огнем соотечественников, ведь многие из них были христиане... Тот же Рулав, например.

Вокруг мерцали золотистыми звездочками свечи, плыли завитки ароматного ладана. Отведя взор от этой красоты, Светорада взглянула туда, где на возвышении ближе к алтарю стояли рядом Лев Македонянин и его сопровитель кесарь Александр. Как их только не величали в Константинополе – божественные, наивеличайшие, светлейшие. Сейчас со своего места Светорада видела только их спины. Лев, узкоплечий и чуть сутулый, в золоте и роскошном венце, и его брат – высокий, стройный, переминающийся с ноги на ногу. Светораде казалось, что ему нет дела до всей этой долгой службы, – он вертелся во время церемонии, что-то порой говорил Льву, оглядывался. Константинопольские кумушки шептались, что кесарь прекрасен собой. А еще говорили, что он пьяница и развратник. Но все равно прекрасен. Возможно, так и есть. Но лица все равно не разглядеть: высокой венец с крестом наверху, мерцающие драгоценные подвески, широкое оплечье сплошь из драгоценных камней, жесткий от украшений лор... Только осанка и говорит в его пользу.

– Заступись, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию! – выводил диакон.

По окончании службы, когда царская семья и высшие сановники прошли к выходу в сторону императорского дворца, прихожане толпой потянулись из храма в широкие врата. И как всегда, произошла давка. Светорада хотела переждать в стороне, да куда там – увлек людской поток. Где-то в толпе потеряла Дорофею, а тут еще и нищие обступили, хватали за одежду, кланча подавание. Светорада едва успела вырвать у одного убогого широкий рукав, как уже в ноги пал очередной нищий, тянул за подол.

– Подай, прекрасная! Подай, а то прокляну!

Даже благодатного посещения храма не хватило, чтобы Светорада не ощутила раздражения от их навязчивости. И невольно отпихнула убогого. А тот вдруг тоже толкнул ее в ответ, да так сильно! Она совсем растерялась, зная, что от них так просто не отвяжешься.

Но тут чья-то сильная рука властно и решительно взяла ее за локоть, отстранила попросаек и вывела ее из храма. Княжна хотела было поблагодарить спасителя, но слова так и застряли у нее в горле. Варда. Она сразу узнала сына Ипатия, его продолговатое лицо с высокими скулами и греческим профилем, коротко подрезанные волосы, выбритые до синевы щеки и узкую аккуратную полосу бородки. И его светло-серые глаза с уже сходящим желтоватым следом от синяка вокруг одного из них.

Варда отвел ее в сторону, где не так толкались, отпустил руку, и какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Наверное, мне следует вас поблагодарить, – произнесла княжна.

Он чуть кивнул. Потом попросил ее следовать за ним.

– У меня здесь крытые носилки. В них спокойно.

Это было сказано вежливо и Светораде пришлось согласиться. И все же она оглядывалась, выискивая в толпе свою наставницу или же Силу. А может, Ипатий отлучится от свиты императора, чтобы проводить ее? И все же, когда они оказались подле широких носилок и Варда откинул занавеску, Светорада послушно села. В конце концов, Варда единственный сын Ипатия, и, возможно, если они переговорают, он не будет столь сурово относиться к ней. Ведь Ипатий, как бы пренебрежительно он ни отзывался о сыне, переживает из-за их отчужденности.

В носилках было достаточно места, чтобы они устроились друг против друга. Варда махнул рукой, и сильные рабы подняли и понесли их среди гомонящей, расходившейся толпы прихожан.

– Мне бы следовало предупредить мою наставницу Дорофею, – сказала Светорада.

Варда странно поглядел на нее.

– Как тогда, когда вы решились примкнуть к бунтующим руссам? Но тогда ведь вы наоборот велели ей отстать.

У Светорады стал разливаться в груди неприятный холодок. Варда ненавидел ее из-за своей матери, но чем он мог навредить ей? Ведь они все же в людном городе, и стоит ей крикнуть...

Поднимать шум было ниже достоинства княжны, поэтому она просто спросила, куда они направляются.

– В одно место. Я бы желал, чтобы вы кое-что увидели.

Холодный тон, холодный взгляд. Варда действительно мало походил на Ипатия, всегда любезного и приятного в общении. И все же в их чертах угадывалось и некое сходство: густые, сросшиеся на переносице брови, высокий лоб с сильными надбровными дугами, высокие скулы. Наверное, такими вот, породистыми и значительными, представляют на Руси ромеев из богатой Византии. И столь же непонятными.

Но все же этот молодой человек был сыном ее Ипатия. Светорада решила попробовать наладить с ним отношения: стала говорить, что Ипатий был бы рад встрече с Вардой, что он надеется на примирение, да и она тоже с теплотой примет его, ибо это отчуждение не приносит никому добра. Разве Христос не учил прощать своих врагов?

Варда слушал княжну молча. Он не смотрел на нее. И Светорада, поняв, что не дождется от него отклика, тоже замолчала. Откинув край занавески, княжна заметила, что они движутся вдоль стены древнего Византия⁶⁹ и постепенно спускаются к морю.

– В порту нас ждет лодка, – пояснил Варда.

Он сказал об этом так спокойно, что Светорада опять не нашла повода, чтобы волноваться. В конце концов, у нее в Константинополе достаточно высокое положение, чтобы бояться проделок молодца, стоявшего по рангу куда ниже своего родителя и, опасаясь последствий, он вряд ли осмелится совершить глупости.

Об этом же думала княжна, когда они плыли по Золотому Рогу, а мимо сновали небольшие лодчонки и торговые суда, и мощно вставали прямо из воды окружавшие Царьград стены.

– Мы высадимся вон там, – указал Варда на каменную ограду за заливом.

Это было закрытое со всех сторон здание на северном берегу бухты Золотой Рог, ближе к истоку. Светорада огляделась. Это был не самый престижный округ в окрестностях Царьграда. Здесь жили в основном портовые рабочие, крючники, грузчики, моряки. Было слышно, как продавец угля призывает купить свой товар; тут же в лужах развалились свиньи; грязные рахитичные дети возились в подворотнях. Нет ни канализации, как в самом городе, ни мостовых, всюду пыль и грязь.

Когда Варда постучал в большие кованые ворота и в них открылась узкая калитка, Светорада резко остановилась.

– Так, – решительно сказала она, – я и шага не ступлю далее, если мы не переговорим и вы не объяснитесь!

Склонив голову, Варда медленно повернулся, тонкий рот чуть скривился в полуулыбке, отчего он стал еще больше похож на отца.

– Ты мне приказывать будешь, девка?

Его рука уже готова была увлечь ее вовнутрь, где кто-то ждал их за полураскрытой дверью, но Светорада резко отпрянула и поспешила прочь. Когда же Варда догнал ее и стал увлекать обратно, она даже впилась зубами в его запястье с яростью дикого зверька. Варда не сказал ни слова, лишь поморщился, а потом подхватил ее на руки и понес.

Светорада закричала, стала звать на помощь, но услышала, как рядом кто-то произнес:

---

⁶⁹ Старое название Константинополя было Византий, и от него произошло само название Византии. Старые стены Византия были сооружены давно и к описываемому периоду уже потеряли свое оборонительное значение.

– Они все не верят, что пришел их час. Но кто же тут поможет, когда сам Бог отказался от них?

Узкий переход – и они уже в довольно обширном дворе. Здесь было несколько монахов, но большинство людей, одетых в какие-то серые балахоны, возились на разбитых вдоль стен грядках. И когда они стали поворачиваться на шум...

Светорада словно голос потеряла. Эти лица... Некоторые были вполне человеческие, но иные... Кое у кого лицо было прикрыто тканью с прорезями для глаз, у других же, наоборот, открыто. Опухшие, отекающие, покрытые язвами, эти лица казались неживыми. И все эти существа стали сходитьсь – медленно, переваливаясь, опираясь на костыли, чтобы посмотреть на незнакомку в розовом шелке и янтаре.

Прокаженные! Она оказалась в печально известном константинопольском лепрозории.

Наверное, на лице Светорады отразился такой страх, что даже в голосе Варды прозвучало некое подобие сочувствия:

– Не им решать твою судьбу. Держись подле меня.

Она так и вцепилась в него... в ненавидящего ее сына Ипатия, который готов был заточить ее среди этих полуживых трупов. Он увлек ее в какой-то коридор, переговорил по пути с одним из монахов, и тот, взяв со стены масляную лампу, повел их по узким переходам. Светорада сама не понимала, отчего идет за ними, но вернуться во двор к прокаженным было еще страшнее. Когда они остановились подле небольшой двери в стенной нише, она почти взмолилась:

– Отпустите меня! Позвольте вернуться.

И опять на лице Варды появилась кривоватая усмешка. А глаза чужие – светлые, ледяные, холодные. Он распахнул дверь и почти заволок обессиленную княжну в полутемное помещение.

– Мама, я привел ее. Теперь только тебе решать, как с ней быть.

Светорада ощутила дурной запах, смешанный с сильным ароматом настоек. Ее глаза еще привыкали к полутьме, когда она услышала, как в углу кто-то возится. Чья-то маленькая тень, склоненная перед иконами, поднялась с колен и направилась к ним.

Это была женщина. Светорада видела темные длинные одежды, мягкий капюшон, покрывающий голову и почти затеняющий лицо, белеющие на кистях рук повязки. Она остановилась неподалеку от них и стала всматриваться. Через оконце за ее спиной в комнату проникал дневной свет.

– Ты хороший сын, Варда. Я и не ожидала, что ты исполнишь мою просьбу.

Голос был глухой, какой-то гундосый. И от этого Светораде стало еще страшнее. Когда Варда отпустил ее, она бессильно прислонилась к стене. Правда, тут же резко выпрямилась. Княжна испытывала ужас от того, что могла коснуться здесь чего-либо, – она ведь знала, как легко можно заразиться от прокаженных.

– Не приближайтесь ко мне! Молю, не подходите. – Она выставила вперед руки.

Мать и сын разговаривали, словно позабыв о ней. Варда говорил о своей готовности выполнять все ее желания, а Хиония отвечала, что небо наградит его за послушание матери. Он сказал, что ему будет легче, если за него помолится такая святая женщина, как Хиония из Фессалоник. Варда даже взял одну из ее забинтованных рук в свои, но женщина-тень медленно отступила.

– А теперь оставь нас, сын, – приказала она.

Однако Светорада едва не повисла на Варде, когда он шагнул к двери.

– Нет! Не оставляй меня здесь! Помоги, умоляю!

С таким же успехом она могла бы просить каменную кладку стены или деревянное ложе в углу. Варда почти отшвырнул ее от себя, когда выходил.

– Ну вот мы и встретились, дева из-за моря, – гундосо произнесла Хиония. – Надо же, такая молодая, такая нарядная, такая... распутная. Ты ввергла моего мужа в грех блуда, и погибель его души на тебе!

Она повысила голос, в ее горле заклокотало. Светорада вдруг поняла, что женщина едва сдерживает рыдания, и это как-то странно повлияло на нее, она почти успокоилась.

– А что скажешь о своем грехе, Хиония? – негромко заговорила княжна. – О том, что ты не даешь согласия на развод, хотя сама уже не можешь исполнять супружеские обязанности. И тем самым вынуждаешь Ипатия жить со мной в грехе.

Они какое-то время молчали. Затем Хиония неожиданно похвалила наряд княжны, заметила и крест на ее груди.

– Некогда и я могла так наряжаться, могла носить шелка и украшения. Но я считала это суетным. И посвятила себя замаливанию грехов моего мужа, когда он оставлял меня, чтобы шляться по притонам или находить себе любовниц в любом краю, куда заносила его судьба. Я же для него была всегда скучна, я его не интересовала, он оставлял меня с моими молитвами и мольбами, с моими укорами...

– Лучше бы ты все же наряжалась для него, – прервала ее речь Светорада, отступая.

От Хионии воняло. Запах гниющей плоти, какой не могли забить даже ароматные притирания. Но самое ужасное произошло, когда эта живая покойница неожиданно стащила с головы капюшон. Она была отвратительна. Белое как мел лицо казалось перекошенным от множества наростов с одной стороны и вдавленным от сочащихся сукровицей рубцов с другой; лысая голова и несколько клоков жидких волос, ниспадающих за ушами. Только большие светлые глаза свидетельствовали о том, что и она когда-то была красивой.

– Видишь, какая я стала, – сказала Хиония. – Ты же молода и прекрасна. А если я возьму и укушу тебя, облизну, измараю собой? Тогда и твоя краса начнет разрушаться.

– Почему же тебя называют святой, раз ты так жестока? – осевшим голосом произнесла княжна. – Ведь тебя никто не заставлял возиться с прокаженными, ты знала, чем это может обернуться для тебя.

– Но если не я, то кто же? Кто позаботится о них?

– Тогда не ропщи. Ты сама взвалила на себя сей крест! И лучше бы ты не занималась благотворительностью, а ждала дома мужа, не надоедала ему своим вечным недовольством... Он ведь рассказывал мне.

– Но я родила ему сына! Что еще я могла сделать для него?

– Могла бы любить супруга, вносить в его душу радость, – начала злиться Светорада. – Могла бы родить ему много сыновей!

Хиония какое-то время молчала, потом опять медленно накинула капюшон, отошла.

– За мое подвижничество небо наградило меня лучшим из сыновей.

– Утешься же этим!

Светорада продолжала злиться, но время шло, маленькая прокаженная – Хиония не была высокой – стояла, отвернувшись от нее, что-то шептала. Молилась, как догадалась Светорада. Наконец княжна первая решила нарушить молчание:

– Зачем ты велела лучшему из сыновей притащить меня сюда?

– Чтобы я могла решить твою судьбу.

– Что ты знаешь о моей судьбе?

И вдруг Хиония попросила ее рассказать о себе. Сказала, что не так уж много она знает о происходящем в мире живых, истинно живых, а не тех, кто похоронен тут заживо. Но Светорада только хмыкнула. Видела, как прокаженная опустилась в кресло у стены и стала ждать.

И Светорада заговорила. По крайней мере, пока она будет тешить эту женщину байками, та, возможно, не притронется к ней.

Свой рассказ она начала с того, как родилась в семье смоленского правителя, как вольготно и сладко ей жилось под родительским кровом, как ей прочили долю княгини, но сама Светорада избрала для себя другой удел, решив уйти с любимым. Не важно куда, только бы с ним. Рассказала, как они мыкались по свету, но чувствовали себя счастливыми, оттого что были вместе. Рассказала о том, как нашли приют у чужих людей, которых полюбили и готовы были остаться с ними навсегда. Но был один человек, молодой хазарский царевич, который вызнал, где она, и прислал за ней охотников на людей. И они убили ее мужа, ее Стемушку...

С чего бы Светораде было так откровенничать с этой злой женщиной, уязвленной тем, что кто-то счастливее ее, «святой»? Но она уже не могла остановиться и продолжала вспоминать все то, о чем так долго запрещала себе думать. Казалось, прошлое так и нахлынуло на нее. Ночь набега, стоны и кровь, и ее милый, умерший у нее на руках в далеком граде Ростове... Ей же пришлось учиться жить заново. В чужих краях, без надежды на счастье, без веры в людей. Светорада поведала, как привязалась к своему пленителю, как поверила, что не он повинен в ее невзгодах. Это было в Хазарии, бесконечно далекой отсюда стране. Там Светорада даже находила некие радости, но все равно жила в постоянном страхе, ибо ее новый муж, Овадия бен Муниш, был слишком рискованным человеком. Смелый, дерзкий, решительный, он играл своей жизнью, а она, находясь подле него, тоже все время находилась в опасности.

Она рассказала о своих страхах, и о желании вернуться домой, и о крушении надежд побежденного Овадии. Только на миг к ней вернулась надежда на спокойную жизнь, когда ее нашел брат Ингельд и у нее появился шанс вернуться на Русь. Но не вышло. Она стала рабыней печенегов, последней рабыней... Знает ли благородная Хиония, каково это – быть последней? Светорада рассказала и об этом...

– Я бы тогда не жила, – задумчиво произнесла Хиония.

Светорада чуть не созналась, что терпела унижения ради маленького Глеба, но вовремя сдержалась. Пусть Хиония, как и остальные, думает, что ее Глеб – сын Ипатия. Брат Варды. Светораде стало даже смешно от этой мысли. Но веселье ее было слишком нервным, болезненным, и она предпочла продолжить.

Поведала, как ей удалось стать женой печенежского хана Таштимера, как его сын Яукилде воспылал к ней любовью и захотел выменять у отца. И тогда Таштимер решил лично задушить жену, только бы не отдавать. Светораду спас один из печенегов... даже имя его она уже не помнит. Ибо он оказался предателем и продал ее на рынке рабов в Херсонесе, где тогда стратигом был Ипатий Малеил. Он выкупил ее для себя. Был ли у нее выбор? Могла ли она не подчиниться? Разве Хионии неизвестна участь рабынь?

– Но он хочет жениться на тебе.

– Он знает, кем я была в своем княжестве. И считает, что я достойна его.

– Но ты хоть любишь Ипатия? Он ведь был очень хорош когда-то. Очень... – вздохнула Хиония.

«Почему-то раньше ты это не ценила», – едва не вырвалось у Светорады. Но сказала она иное. Правду.

– Нет, я не люблю Ипатия. Всю жизнь я любила и люблю только своего Стемку. Но Ипатий... Он так относится ко мне, что я сделаю все, чтобы он не пожалел о своем решении. Я буду ему хорошей женой.

– Дай-то Бог... – тихо прошелестела Хиония.

Она надолго умолкла, а Светорада вдруг почувствовала во всем теле усталость. Она говорила в течение нескольких часов, у нее ослабели ноги и заныла спина.

Потом в дверь постучали, Хиония встала и, чуть прихрамывая, подошла к открывшемуся в двери окошку. Светорада, глаза которой уже привыкли к полумраку, увидела монаха, протянувшего Хионии миску с едой, даже заметила, что его кисть покрыта рубцами и одного пальца

не хватает. Что же это за люди, готовые на подвижничество, которое может закончиться для них страшной болезнью?

Хиония медленно ела. Кормили ее хорошо: паштет, свежий хлеб, ароматное вино. Но Светораде сейчас даже эти привычные запахи казались тошнотворными. Однако молчание Хионии после ее рассказа неожиданно дало ей надежду.

– Ты отпустишь меня?

– Нет.

– Тогда гореть тебе в аду!

Хиония перестала намазывать на хлеб паштет.

– Что ты знаешь о муках ада?

– А ты как думаешь? Или твое самолюбование мученицы сделало тебя бесчувственной к чужим невзгодам? Или ты глуха и не поняла, что я рассказала?

Прокаженная долго молчала. Потом произнесла:

– Что ж, возможно, и отпущу. Но потом.

Потом! Это означало для Светорады крах всех надежд. Она вдруг поняла, на что рассчитывает эта женщина. Чтобы, пробыв в лепрозории, Светорада все же заразилась, и тогда Хиония вернет ее мужу. Чтобы он тоже заболел!..

И тут, когда она совсем отчаялась, случилось чудо. Сначала раздался какой-то шум, крики, а потом дверь распахнулась и на пороге возник ее Сила!

Он еле успел подхватить оседавшую на пол княжну. Нес ее по переходам, с ним были еще какие-то люди. А потом... Свет закатного солнца, запах моря, гул настоящей жизни!..

Светорада едва могла понять, что ей говорит древлянин, указывая на подошедшего к ним вельможу:

– Мы разыскали тебя благодаря заботам доброго Мануила. Это он поднял людей, приказав, чтобы выяснили, куда ты подевалась после службы в Святой Софии.

Лицо этого полного ромея показалось княжне смутно знакомым. Он представился, пояснив, что они некогда встречались в Херсонесе, где он заменил Ипатия Малеила на посту стражника.

«А Ипатий еще считает его недругом!» – подумала княжна и улыбнулась сквозь слезы своему спасителю.

– Вас желает видеть патриарх Николай, – с важностью добавил Мануил Заутца.

Патриарх? Великий глава церкви в Константинополе?

Это было неожиданно и странно, но княжна перестала об этом думать, заметив стоявшего немного поодаль Варду. И где и силы взялись! Подскочила к нему и с размаху ударила по щеке.

– Пес! Однажды я сумею тебе отомстить.

Мануил тоже грозил Варде перстом:

– Ты!.. Волю преподобного патриарха хотел нарушить!

Варда только улыбался – странно, мучительно растягивая губы.

Пока Светорада плыла в быстроходной лодке по заливу Золотого Рога, надушенный Мануил объяснял ей, как все всполошились, когда она пропала у собора Святой Софии. Слуги госпожи разыскивали ее повсюду. Ее требовал к себе патриарх Николай, но Ксантии нигде не было. И тогда патриарх лично позаботился, чтобы ее отыскали: его люди расспрашивали всякого, его ищейки рыскали по городу. Но первым выяснил, что Ксантию увез Варда Солунский, выяснил ее раб Сила. Варду многие знали, это и помогло напасть на след. Но теперь ей надо поторопиться, ибо его святейшество ждет и ждет давно.

Тем не менее даже Мануил не возражал, когда княжна выразила желание помыться и переодеться. В доме Ипатия она долго отмокала в мыльной воде, скребла себя скребком, вновь намыливалась, вновь обливалась из кувшина...

Позже наряжавшая ее Дорофея сказала, что Ипатий на службе и ничего не знает о случившемся. Даже про то, что его Ксантии оказана честь быть приглашенной самим мудрым патриархом Николаем. Ах, это такая милость!.. – восхищалась простодушная Дорофея.

Все же события прошедшего дня несколько оглушили Светораду, и когда она поздним вечером прибыла в патриарший дворец, когда беседовала с Николаем Мистиком, нарядная, душистая и усталая, то не особенно волновалась, слушая, что он ей предлагает. И не особенно благоговела перед этим видным священником, который, разговаривая с ней, все время просматривал какие-то свитки и что-то писал, а к ней обращался покровительственно, но с некоторой снисходительностью – «девочка».

– Ты, девочка, наверняка в душе осталась все той же язычницей, и тебе нетрудно понять, что соблазнить мужчину, да еще императора – это лишь возможность потешить женское тщеславие. Нам же ты окажешь великую услугу, избавив наисветлейшего от этой порочной и злой женщины – Зои Карбонопсины.

Наверное, не случись со Светорадой сегодняшнего потрясения, она бы совсем иначе приняла неожиданное предложение владыки – изменить Ипатию ради блага всей империи, как уверял Николай. Причем он даже посокрушался, что она стала христианкой – язычницы менее щепетильны в вопросе возлечь с мужчиной. В любом случае если у новообращенной Ксантии есть сомнения по этому поводу, если она опасается согрешить, то он, патриарх и глава Церкви, замолит за нее этот грех, совершенный ради благой цели.

Все это для усталой Светорады было слишком туманно. Она только напряглась, когда Николай сказал, что ее положение наложницы при одном из слуг империи, не может служить ей защитой. Вон даже сын ее любовника способен вытворять с ней все что угодно, и ему не поставят это в вину, а многие даже поймут Варду: юноша стремиться оградить родителя от блуда, увезя его сожительницу. И пусть «девочка» знает: не будь патриарх заинтересовал в ее судьбе и не устрой его люди такой переполох... Кто бы смог разыскать госпожу Ксантию в лепрозории у прокаженных?

Светораде понадобилось усилие, чтобы не расплакаться в этот миг. Но патриарх понял, что сказал жестокие слова, и отвернулся к своим спискам, шуршал пером, что-то записывал. Потом позвонил в колокольчик и велел позвать ожидавшего в приемной. Не обращая внимания на сидевшую в стороне Светораду, он какое-то время негромко разговаривал со своим гостем. Ей же сперва и дела не было, о чем они говорят, но Николай неожиданно заговорил с прибывшим на болгарском и это привлекло ее внимание. Похоже патриарх не хотел, чтобы госпожа Ксантия поняла о чем речь. Ее это даже позабавило: болгарский и язык русов весьма схожи, и княжна без труда поняла смысл их разговора. Она отметила, как патриарх передал собеседнику некое послание, заверив напоследок, что будет молиться за дражайшего Андроника. Уж не мятежного Андроника Дуку имел в виду глава константинопольской церкви?

Эта мысль просто мелькнула и ушла – поглощенная своими заботами Светорада, не особенно придавала значения услышанному. А Николай Мистик, выпроводив гостя, снова стал говорить, как важно, отвлечь базилевса Льва от Зои Карбонопсины.

Светорада ничего не отвечала и сидела со столь отрешенным видом, что в какой-то миг патриарх решил, что она настолько же тупа, насколько красива. Но когда эта женщина с усталыми янтарными глазами (вот уж действительно янтарными!) стала задавать вопросы, у Николая поменялось мнение. Эта девочка уяснила все и вопросы ее были по существу. Откуда у владыки уверенность, что Лев обратит на нее внимание, когда всем известно, как он любит свою Карбонопсину? Что императора интересует, дабы она смогла удержать его внимание? А еще ее волновало, какое вознаграждение она получит за свою услугу и как все это скажется на ее положении...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.